

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»

Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

Ноак Элеонора Олеговна

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Прецедентные феномены в лирике М.И.Цветаевой

Направление 44.04.01 Педагогическое образование
направленность (профиль) образовательной программы
Теоретическое и прикладное языкознание в образовании

Допущен к защите
заведующий кафедрой
канд.филол.н., доцент Т.В. Мамаева

08.12.2017 _____

Руководитель магистерской программы
доктор филол.н., профессор С.П. Васильева

09.12.2017 _____

Научный руководитель
канд.филол.н., доцент Н.Н. Бебриш

08.12.2017 _____

Студент Ноак Э.О.

08.12.2017 _____

(дата, подпись)

Красноярск 2017

Реферат

Диссертация 89 стр. 1 иллюстрация, 1 схема, 1 диаграмма, 3 приложения, 68 источников.

Объект исследования – явление прецедентности в художественных текстах.

Предмет исследования – прецедентные феномены в поэтических текстах М. Цветаевой.

Цель настоящей работы – выявить особенности функционирования прецедентных феноменов в лирике М. Цветаевой.

Материал для исследования: собрание сочинений М. Цветаевой, по которому и приводятся все цитаты в данной работе. Цветаева, М. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Всего было проанализировано около пятисот текстов поэтессы.

Для достижения поставленных задач использованы следующие **методы и приемы исследования:**

- методы семантического и контекстуального анализа;
- метод лингвокультурологического анализа;
- лингвистическое наблюдение;
- прием экстралингвистической интерпретации фактов языка.

РЕЗУЛЬТАТЫ: В творчестве М. Цветаевой нами было найдено 196 прецедентных имён. Самым многочисленным классом оказались антропонимы (156 имен). Они составляют 80% от всего числа прецедентных имён. Также в лирических текстах Цветаевой были найдены топонимы (32 имени), составляющие 16% от общего числа прецедентных имён. Минимально представлены в творчестве Цветаевой хрононимы 3% (5 имён) и зоонимы 1% (2 имени).

Прецедентные ситуации были объединены в ситуативные комплексы, которые представляли собой наборы ситуаций, связанных с определённой личностью или событием (например: комплекс Иисуса Христа, включающий в себя разные ситуации, такие, например, как его распятие, его рождения и проч.).

Исследование показало, что в лирике М. Цветаевой в качестве прецедентных используется 71 текст. Преобладают среди них литературные тексты (55). В качестве прецедентных текстов в творчестве Цветаевой также 8 раз выступают вербализуемые прецедентные тексты: произведения скульптуры и архитектуры, картины, музыкальные произведения, фотография. Статус прецедентного текста также может получить творчество автора в целом либо литературный жанр.

Аллюзии являются наиболее распространённым способом интертекстуализации прецедентных феноменов. Прецедентные феномены при этом могут быть употреблены как в своём прямом значении, так и в переносном.

Новизна исследования: разработана и описана классификация прецедентных феноменов, встречающихся в стихотворных текстах Марины Цветаевой; изучены способы их интертекстуализации.

Практическая значимость работы. Материалы исследования могут быть использованы при разработке и реализации элективного курса «Прецедентные феномены в художественной литературе», предназначенного для 11 класса общеобразовательной школы; в курсе «Филологический анализ текста», на занятиях дисциплин по выбору по литературоведению в вузе.

Апробация работы. Материалы исследования были представлены на научно-методическом семинаре магистерской программы «Теоретическое и прикладное языкознание в образовании».

Содержание

Введение	5
Глава 1. Теоретические аспекты изучения прецедентности в художественных текстах	9
1.1. Прецедентность и методы её исследования	9
1.2. Типологизация прецедентных явлений	16
1.3. Прецедентность и интертекстуальность	24
Глава 2. Классификация и анализ прецедентных феноменов в поэтических текстах М. Цветаевой	37
2.1. Прецедентные имена	37
2.2. Прецедентные ситуации	46
2.3. Прецедентные тексты	52
Глава 3. Интертекстуализация прецедентных феноменов в творчестве М. Цветаевой	56
3.1. Цитаты в творчестве М. Цветаевой	56
3.2. Аллюзии в творчестве М. Цветаевой	60
Заключение	70
Список использованных источников и литературы	74
Приложение 1. Фотография: Адольф Гитлер в окне Градачанского замка	82
Приложение 2. Элективный курс по русскому языку «Прецедентные феномены в художественной литературе»	83
Приложение 3. Конспект урока на тему: «Прецедентное имя в творчестве М. Цветаевой»	87

Введение

Актуальность исследования. Проблема взаимодействия культуры и языка является одной из актуальных в современной лингвистике, отличительным признаком которой является интенсивное развитие направлений, рассматривающих язык как культурный код нации, а не только как средство коммуникации и познания. Аксиоматичным можно считать утверждение о невозможности детального изучения языка без одновременного изучения культурных особенностей общества, которое использует этот язык [Ермакова].

Русский язык как элемент национальной идеи сохраняет духовное, историко-культурное достояние и ценности предыдущих веков жизни русского народа, приумножая их через контакты с другими народами, выполняет роль механизма социальной наследственности. Осмысление языка как национально-культурного феномена, который воспроизводит и формирует менталитет народа, сохраняет его глубокие национальные традиции, является основным принципом современной лингвистической науки.

Отличительной чертой любой литературной традиции является обращение авторов к национальному сознанию читателей с помощью национально-прецедентных феноменов, единиц языка, отражающих определенный «культурный предмет», который актуализируется в сознании членов той или иной лингвокультурной общности в виде инварианта его восприятия. При этом самоидентификацию человека как представителя определенного этноса и носителя соответствующей культуры обеспечивает культурно-языковая компетенция, отражающая способность носителя определенной этнической культуры и языка узнавать в языковых единицах и речевых продуктах культурно значимые установки и нормы, ценностные ориентиры, культурные коды и ощущать возможность их переориентации [Токарева 2010: 74]. Важными

составляющими культурно-языковой компетенции являются прецедентные феномены, обозначение и содержание которых хорошо известно представителям определенной этнокультурной общности. Прецедентные феномены исследовались в трудах Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Ю. Н. Караулова, В. В. Красных и др. [Гудков 2003; Захаренко 2004; Караулов 2007; Красных 1997]

В то же время отсутствие в лингвистике и литературоведении чёткого разграничения между прецедентностью и интертекстуальностью приводит к тому, что изучение произведений художественной литературы осуществляется в основном на основании теории интертекстуальности, тогда как прецедентность в этих художественных текстах, неправомерно отождествляясь с интертекстуальностью, остаётся без внимания.

Не является исключением и творчество Марины Цветаевой, среди исследований которого найдётся немало работ, посвящённых интертекстуальным связям [Войтехович 2008; Кузьмина 1999; Пучинина 2017], и практически не найдётся работ, посвящённых прецедентности. Следовательно, актуальность данного исследования может считаться в достаточной мере обоснованной.

Объект исследования – явление прецедентности в художественных текстах.

Предмет исследования – прецедентные феномены в поэтических текстах М. Цветаевой.

Цель исследования – выявить особенности функционирования прецедентных феноменов в лирике М. Цветаевой.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи исследования**:

1) охарактеризовать прецедентность как явление и подходы к её определению и изучению;

- 2) исследовать принятые в науке о языке типологизации прецедентных феноменов;
- 3) сопоставить понятия прецедентности и интертекстуальности;
- 4) исследовать и классифицировать прецедентные имена, высказывания, ситуации и тексты в творчестве М. Цветаевой;
- 5) исследовать особенности функционирования цитат и аллюзий в творчестве М. Цветаевой;
- 6) составить методическую разработку по материалам исследования.

Материал для исследования составили лирические стихотворения и поэмы Марины Цветаевой. Всего нами было проанализировано около пятисот текстов поэтессы.

Методологическая основа исследования — работы Д. Б. Гудкова, Ю. Н. Караулова, А. Д. Васильева, В. В. Красных, Е. А. Нахимовой, О. А. Ворожцовой, О. С. Боярских, посвященные изучению прецедентности.

Методы и приемы исследования: в работе были использованы методы семантического и контекстуального анализа, метод лингвокультурологического анализа, а также лингвистическое наблюдение, прием экстралингвистической интерпретации фактов языка.

Новизна исследования: разработана и описана классификация прецедентных феноменов, встречающихся в стихотворных текстах Марины Цветаевой; изучены способы их интертекстуализации.

Теоретическая значимость магистерской диссертации заключается в комплексном исследовании явления прецедентности в лирике М.И.Цветаевой.

Практическая значимость работы. Материалы исследования могут быть использованы при разработке и реализации элективного курса «Прецедентные феномены в художественной литературе», предназначенного для 11 класса

общеобразовательной школы; в курсе «Филологический анализ текста», на занятиях дисциплин по выбору по литературоведению в вузе.

Апробация работы. Материалы исследования были представлены на научно-методическом семинаре магистерской программы «Теоретическое и прикладное языкознание в образовании».

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы (68 источников) и 3 приложений, содержит реферат.

Глава 1. Теоретические аспекты изучения прецедентности в художественных текстах

1.1. Прецедентность и методы её исследования

Прецедентность представляет собой одно из относительно новых понятий, вошедших в лингвистический обиход во второй половине прошлого века и закрепившихся прежде всего в таких научных дисциплинах, как когнитивная и дискурсивная лингвистика, лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Несмотря на свою относительную молодость, эти дисциплины уже располагают собственным научным аппаратом, к которому наряду с вышеупомянутым относятся также такие понятия, как «языковая картина мира», «ментальность», «мифологема», «концепт» и др.

Само значение слова «прецедентный» (от лат. *praecedere* – предшествовать, идти вперед) указывает на один из его релевантных признаков – повторяемость, то есть неоднократное воспроизведение в определенной языковой среде. Поэтому, видимо, в широком смысле уместнее говорить о явлении или о феномене прецедентности [Григорьева 2014].

Прецедентные феномены – одно из проявлений национального своеобразия языка, воплощение взаимосвязи условий существования народа, его культуры, языка и ментальности.

Теория прецедентности предложена и обоснована Ю. Н. Карауловым, который к числу прецедентных феноменов причисляет разнотипные единицы – лексемы, фразеологизмы, предложения, а также невербальные единицы [Караулов 2006: 88]. По его определению, прецедентными называются тексты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому

окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2006: 89]. Как видно из определения, в качестве главных признаков прецедентного текста Ю. Н. Караулов выделяет его личностный и сверхличностный характер, вследствие чего к прецедентному тексту неоднократно обращаются в речи.

А. А. Нахимова отмечает, что система прецедентных феноменов – это один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому и одновременно способ объединения народа вокруг его культурных ценностей и нравственных идеалов [Нахимова 2007: 12].

Прецедентные феномены, с одной стороны, отражают национальные стереотипы в восприятии и оценке людей и событий, а с другой стороны, имеют мощный манипулятивный потенциал. Восприятие прецедентных феноменов обусловлено наличием соответствующих фоновых знаний у адресата, а также спецификой самого прецедентного знака и характером его употребления в тексте.

Согласно исследованиям А. А. Нахимовой [Нахимова 2007: 23] и А. А. Ворожцовой [Ворожцова 2007: 45], чаще всего прецедентные феномены используются в политическом и медийном дискурсе. Наиболее часто используемыми источниками прецедентных текстов являются политика и литература.

Прецедентные феномены создают определенную систему ценностей, регулирующих социальное поведение представителей отдельной национально-лингвокультурной общности: они активно используются при осуждении или одобрении определенных образцов поведения. Этим, вероятно, и обусловлена распространённость прецедентных текстов в литературных и политических текстах, которые тесным образом, хотя и по-разному, связаны с формированием общественной системы ценностей. В политике, например, прецедентные

феномены – возможность лаконично и ярко подействовать на избирателя, сформировать необходимое отношение к определенной личности или событию [Ворожцова 2007: 62].

А. А. Нахимова выделяет следующие основные критерии выявления прецедентных феноменов в текстах:

- 1) связанность соответствующего понятия с классическим произведением;
- 2) общеизвестность соответствующего феномена и регулярная воспроизводимость его в текстах;
- 3) неденотативное использование того или иного имени в функции культурного знака [Нахимова 2007: 56-57].

По мнению А. А. Ворожцовой, важной дифференциальной характеристикой прецедентных феноменов является их способность:

- 1) выполнять роль эталона культуры и выступать в качестве генеративной модели для целого класса объектов;
- 2) функционировать как свернутая метафора, которая выражает не рациональную, но эмоциональную оценку;
- 3) выступать как символ такого феномена или ситуации, которые не могут быть адекватно вербализованы или вербализация которых оказывается слишком громоздкой [Ворожцова 2007: 32].

А. А. Нахимова, А. А. Ворожцова и С. Л. Кушнерук используют определение прецедентных феноменов, предложенное В. В. Красных как наиболее полное и авторитетное. В.В. Красных в работе «Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология» к прецедентным причисляет такие феномены, которые:

- 1) хорошо известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества;

2) актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане (за прецедентным феноменом всегда стоит определенное представление о нем, общее для всех носителей того или иного менталитета, которое и делает все апелляции к прецедентному феномену «прозрачными» и понятными);

3) регулярно употребляются в речи представителей той или иной национально-лингвокультурной общности (то есть их использование может и не быть частым, но оно всегда понятно собеседнику без дополнительного комментария) [Красных 2002: 44-45].

Г. Г. Слышкин рассматривает прецедентные феномены как особую разновидность концептов, поскольку они представляют собой единицы, принадлежащие сознанию, детерминируются культурой и воплощаются в языке [Слышкин 2000: 9].

Д. Б. Гудков определяет прецедентные феномены как единицы, входящие в когнитивную базу той или иной лингвокультурной общности и известные любому рядовому представителю этого сообщества [Гудков 2003: 153]. Когнитивная база – определенным образом структурированная совокупность обязательных знаний, национально-детерминированных и минимизированных представлений той или иной национально-лингвокультурной общности, которыми обладают носители определенного национально-культурного менталитета [Боярских 2008: 47].

Прецедентными феноменами при такой интерпретации могут называться компоненты знаний, обозначения и содержание которых хорошо известны представителям определенной этнокультурной общности и которые актуальны и используются в когнитивном и коммуникативном плане. При этом знаки прецедентных феноменов характеризуются значительным информационным объемом и аналогичны символам.

Возникают вопросы: какие компоненты культуры попадают в ядро и на каком основании; как соотносятся ядро и периферия; обязательно ли все члены лингвокультурного сообщества должны обладать знанием инвариантов данного компонента для его включения в когнитивную базу сообщества.

Опираясь на взгляды Д. Б. Гудкова и В. В. Красных, А. С. Боярских разграничивает признаки прецедентных феноменов как единиц языка, сознания и культуры. По ее мнению, прецедентные феномены как единицы языка включают следующее:

- а) прецедентные феномены имеют вербальное выражение;
- б) прецедентные феномены воспроизводятся в процессе коммуникации, а не создаются заново;
- в) прецедентные феномены могут трансформироваться в пределах сохранения узнаваемости.

К признакам прецедентных феноменов как единиц сознания А. С. Боярских относит такие их свойства:

- а) прецедентные феномены являются результатом определенных когнитивных операций (редукции, минимизации и др.);
- б) прецедентные феномены являются средством кодирования и преобразования информации;
- в) прецедентные феномены задают модели обработки, оценки информации и её сравнения с уже имеющейся.

Прецедентным феноменам как единицам культуры свойственны признаки:

- а) прецедентные феномены характеризуются наполненностью определенным знанием культурного характера;
- б) прецедентные феномены требуют соотнесения с другими текстами как фактами культуры;

в) прецедентные феномены определяют специфику культурного пространства [Боярских 2008: 50].

А. А. Нахимова выделяет следующие функции прецедентных феноменов:

1. Функция оценки реализуется в том, что прецедентные феномены ярко выражают субъективное отношение автора.

2. Моделирующая функция заключается в формировании представлений о мире в виде модели.

3. Прагматическая функция воплощает способность влиять на адресата.

4. Эстетическая функция предполагает, что прецедентные феномены воспринимаются как способ эстетической оценки мира.

5. Парольная функция означает, что прецедентные феномены часто служат для выявления общности ментально-вербальной базы автора и читателя.

6. Игровая функция прецедентных феноменов отражает их использование в качестве своеобразной языковой игры для привлечения внимания читателя и снижения напряженности текста.

7. Эвфемистическая функция заключается в том, что иногда прецедентные феномены помогают смягчить высказывания, воплотить необходимое содержание в не столь агрессивной форме [Нахимова 2007: 142-144].

Как правило, прецедентные феномены на начальном этапе своего существования имеют конкретную национальную адресацию, прочно связаны с отдельными социумами, обществами, регионами и странами. Поэтому они часто нуждаются в толковании, чтобы быть понятыми реципиентами, являющимися представителями других культур и социумов. На эту особенность указывает, например, Л. И. Гришаева, подчеркивая, что прецедентные феномены представляют собой «модель концептуализации действительности, образец для социализации личности, позволяют самым непротиворечивым образом охарактеризовать процессы культурных заимствований, культурной

преемственности, инкультурации и аккультурации в различных условиях осуществления взаимодействия между людьми, использующих вербальный и невербальный коды» [Гришаева 1998: 136].

Прецедентные единицы представляют собой класс имен, которые по своей языковой природе лучше всего приспособлены к аккумуляции сгустков смысла, что позволяет расширить семантические границы текста и ввести в него целые пласты имплицитной информации. Узнаваемость прецедентных единиц предполагает известную стабильность их формы или инварианта. Поэтому они могут быть без особых трансформаций легко «вставлены» в отдельные высказывания и тексты и расшифрованы среднестатистическим реципиентом. В обратном случае их нельзя отнести к прецедентным. Прецедентность может быть в большей или меньшей степени характерной для тех или иных типов текста, хотя она и не является их неотъемлемой принадлежностью. Так, в лингвистической литературе отмечается, что прецедентность типична для текстов современных СМИ [Иноземцева 2010: 167-169].

Несмотря на некоторые различия в понимании прецедентных феноменов, все исследователи единодушны в определении некоторых общих признаков: прецедентные феномены связаны с культурой, они должны быть известны достаточно широкому кругу представителей данной культуры, в сжатой форме они представляют некоторое знание, оценки и некоторые общие эталоны, характерные для данной лингвокультуры. Различия же в подходах, в основном, как будет показано далее, касаются объема прецедентных феноменов и, как следствие, их классификации, а также релевантных признаков, по которым феномены получают статус прецедентных.

При анализе поэтических текстов Марины Цветаевой прецедентные феномены рассматривались как компоненты знаний, обозначения и содержание которых хорошо известны представителям определенной этнокультурной

общности. Феномен прецедентности базируется на общности фоновых (социальных, культурных или языковых) знаний адресата и адресанта. Прецедентные феномены актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане (за прецедентным феноменом всегда стоит определенное представление о нём, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета). Апелляция к прецедентным феноменам постоянно возобновляется в речи представителей того или иного этноса.

1.2. Типологизация прецедентных явлений

На объем понятия прецедентных феноменов среди ученых существует разное мнение. Так, Д. Гудков, А. Боярских придерживаются узкого взгляда на проблему прецедентных феноменов и считают прецедентными только те феномены, которые имеют вербальное выражение (тексты, высказывания и т.д.). Но большинство исследователей, в том числе Ю. Караулов, В. Красных, А. Ворожцова и др., придерживается широкого взгляда на прецедентные феномены, причисляя к ним единицы, имеющие как вербальное, так и невербальное выражение (например, произведения музыки или живописи). В этом случае прецедентные феномены отдельного лингвокультурного сообщества могут включать:

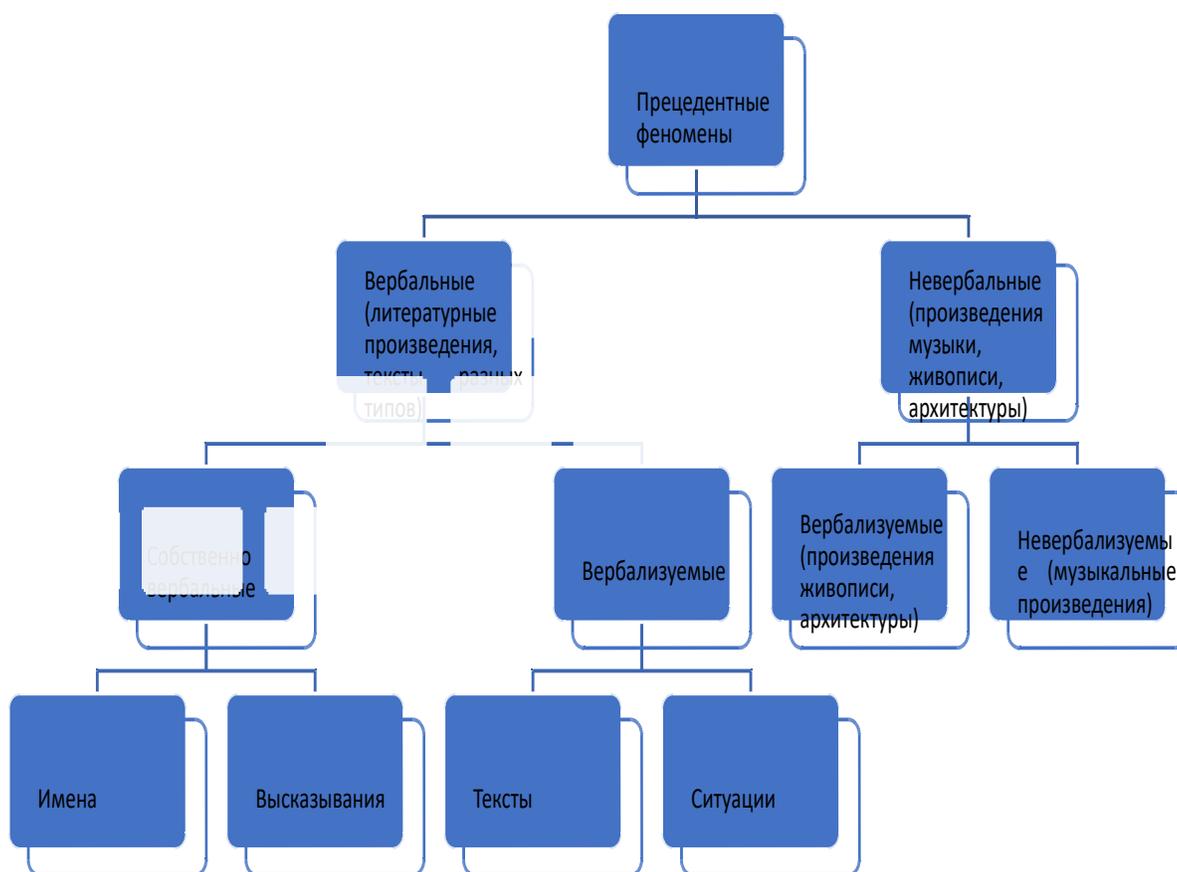
- а) вербальные тексты;
- б) тексты с невербальным компонентом, включая музыкальные и живописные;
- в) социо-историчные и культурные феномены, включая исторические и культурные события, периоды и эпохи;
- г) кодовые системы, включая архетипы, жанры языка.

В магистерской диссертации прецедентные феномены рассматриваются в широком понимании (вербальные и невербальные по признаку их словесного выражения / невыражения).

В. В. Красных выделяет еще один критерий разграничения прецедентных феноменов – возможность или невозможность реализации их в речи. По этому признаку различаются вербализуемые и невербализуемые прецедентные феномены [Красных 2002: 46]. К вербализуемым автор относит те феномены, которые могут быть вербально воспроизведены, описаны в речи (например, картина В. М. Васнецова «Богатыри» является невербальным феноменом, но её можно описать с помощью слов). Невербализуемые же феномены – это те феномены, которые не имеют вербального выражения (например, музыкальные произведения не могут быть адекватно переданы с помощью слов, описать можно только впечатление от них).

Иными словами, все прецедентные феномены по способу выражения можно разделить на вербальные (имеющие словесное выражение) и невербальные (словесное выражение отсутствует). В свою очередь, вербальные прецедентные феномены могут быть разделены на собственно вербальные (имеющие словесное выражение и точно воспроизводящиеся в речи) и вербализуемые (имеющие словесное выражение, но воспроизводящиеся в речи разными способами). Невербальные же феномены делятся на вербализуемые (те, что возможно описательно воспроизвести в речи) и невербализуемые (см. Схему 1).

Типы прецедентных феноменов

Особый тип вербальных прецедентных феноменов выделяет А. С. Боярских. Это описательная вербализация – случаи указания на ситуацию, касающуюся определенного художественного текста и являющуюся узнаваемой без использования имен литературных персонажей или литературных высказываний. Например: «*Наверное, трудно чувствовать себя рыцарем, который борется с мельницами?*» В таких случаях происходит вербальная репрезентация ситуации, касающейся художественного произведения, но не посредством цитирования, а при помощи своеобразного перевода, в котором используются отдельные лексемы, которые легко восстанавливают связь с текстом-источником лексемы [Боярских 2008: 101-102]. Выделение этого типа прецедентных феноменов как отдельного, по нашему мнению, не совсем целесообразно, ведь его можно отнести к вербализуемым единицам вербальных прецедентных феноменов.

В. В. Красных выделяет прецедентные имена, высказывания, тексты и ситуации в качестве единиц системы вербальных прецедентных феноменов [Красных 2002: 47-48].

Прецедентные имена – это широко известные имена, используемые в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько как своеобразный культурный знак, символ определенных качеств, событий, например: Дон Кихот – символ бескорыстной борьбы за справедливость [Нахимова 2007: 4].

Прецедентное имя может соотноситься или с прецедентным текстом (Дориан Грей – герой повести Оскара Уйальда), или с прецедентной ситуацией (Бородино - место, где в 1812 году произошло сражение между армиями Кутузова и Наполеона) [Красных 2002: 86].

Прецедентные имена В. В. Красных разделяет на две группы:

а) терминологическое имя – такое прецедентное имя обозначает определенный признак, черту характера или внешности, то есть имеет «терминологическое» значение и является символом определенной характеристики (пузатый Пацюк, которому вареники сами в рот летят, – лентяй);

б) многозначное имя – такое прецедентное имя может быть символом не только образа, но и ситуации [Красных 2002: 86-89].

В. Азарова к главным признакам прецедентных имен относит «такие показатели, как обогащение семантики и интертекстуальность, использование прецедентного имени в качестве культурного знака, который связывает различные тексты, эпохи и пространства» [Азарова 2010: 11].

Прецедентное высказывание – это продукт рече-мыслительной деятельности, завершенная и самодостаточная единица, которая представляет собой подвижную разновидность прецедентных феноменов, которые появляются на короткое время и быстро исчезают, однако имеют в этот период очень сильный действенный потенциал (фразы из рекламных роликов, анекдоты). К прецедентным высказываниям, по мнению В. В. Красных, принадлежат цитаты, афоризмы, крылатые выражения, плагиат. В речи прецедентное высказывание функционирует как единица дискурса [Ворожцова 2007: 36-42].

Структура прецедентного высказывания включает три элемента:

1) поверхностное значение, равное сумме значений компонентов высказывания;

2) глубинное значение, которое является семантическим результатом сочетания компонентов прецедентного высказывания и формирует его лексико-грамматическую структуру;

3) системный смысл, который является суммой глубинного значения высказывания и знания прецедентного феномена и связанных с ним коннотаций [Красных 2002: 100-101].

Прецедентные высказывания и прецедентные имена часто употребляются в тексте именно для актуализации вербализуемых прецедентных феноменов (прецедентной ситуации и прецедентного текста), выступают в роли их символов. Собственно прецедентный текст и прецедентная ситуация, по мнению А. А. Ворожцовой, являются феноменами скорее когнитивного, чем лингвистического плана, поскольку хранятся в сознании носителей языка в виде инвариантов восприятия [Ворожцова 2007: 42].

Прецедентный текст – это вербальный прецедентный феномен, который сохраняется в когнитивной базе в виде инварианта восприятия. Апелляция к прецедентному тексту осуществляется через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. Знание инварианта восприятия прецедентного текста необходимо и обязательно для всех представителей определенной общности; при этом знакомство с самим прецедентным текстом (именно как с текстом) – желательно, но не обязательно.

Прежде, чем получить статус прецедентного, текст проходит через определенный алгоритм восприятия, который предполагает разделение характеристик текста на значимые / незначительные и фиксирование первых при игнорировании других [Красных 2002: 68-72].

Прецедентная ситуация – это некая «идеальная» ситуация, которая происходила в реальной действительности или относится к виртуальной реальности искусства. Яркие признаки этой ситуации нашли отражение в народном сознании с определенной эмоциональной оценкой. Прецедентная ситуация актуализируется в дискурсе через краткое описание самой ситуации или её атрибуты (субъекты-персонажи или предметы, которые в этой ситуации

задействованы) [Ворожцова 2007: 42-43]. В когнитивную базу входит инвариант восприятия прецедентной ситуации, поскольку она сама является невербальным, но вербализуемым феноменом.

Как правило, за прецедентными текстами, ситуациями или именами кроется обширное культурное содержание, которое можно обнаружить только с учетом приобретенных коннотаций и широкого контекста. Эти коннотации могут иметь как локальный/глобальный, так и временный/долгосрочный характер. Однако при этом они должны обязательно нести в себе некие ассоциативные, оценочные или эмоционально-экспрессивные компоненты.

В. В. Красных выделяет три основные группы прецедентных феноменов в зависимости от широты охвата – от социума к общечеловеческому сообществу, то есть в зависимости от степени их универсальности:

1) социумно-прецедентные – феномены, известные любому рядовому представителю того или иного социума (конфессионального, профессионального и т.п.) и входящие в коллективное когнитивное пространство;

2) национально-прецедентные – феномены, известные любому рядовому представителю той или иной национально-лингвокультурной общности и входящие в национальную когнитивную базу;

3) универсально-прецедентные – феномены, известные любому рядовому современному представителю *Homo sapiens* и входящие в «универсальное» когнитивное пространство [Красных 2002: 50-51].

Кроме этих трех групп Ю. Е. Прохоров выделяет также автопрецеденты, представляющие собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающей среды, которые имеют определенное познавательное, эмоциональное или аксиологическое значение для отдельной личности и связаны с особыми индивидуальными представлениями, включенными в

неповторимые ассоциативные ряды [Прохоров 2016: 38]. В качестве примера автопрецедента Н. В. Петрова приводит образ зеленой водокачки, что может ассоциироваться с детством конкретного индивида. Такие ассоциации являются сугубо индивидуальными, и далеко не для всех представления о водокачке являются прецедентными и имеют приведенное значение [Петрова 2010]. По мнению В. В. Красных, автопрецеденты не соответствуют приведенному выше определению прецедентных феноменов и входят в число (как минимум) социумно-прецедентных [Красных 2002: 50]. Мы разделяем взгляд В. В. Красных на автопрецеденты как подтип социумно-прецедентных феноменов.

Ученые классифицируют также прецедентные феномены по следующим признакам:

а) по сферам-источникам прецедентных феноменов (литература, театр, политика, кино и др.);

б) по сферам-мишеням, к которым относятся прецедентные феномены в своих вторичных значениях (реклама, спорт, политика, СМИ и др.);

в) по национальной принадлежности источников прецедентности: отечественные и зарубежные [Боярских 2008: 68; Ворожцова 2007: 112].

Итак, прецедентными являются феномены, которые хорошо известны и понятны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, апелляция к которым постоянно возобновляется в их речи. Основу классификации прецедентных феноменов составляет критерий словесного их выражения / невыражения, в соответствии с которым выделяют вербальные и невербальные прецедентные феномены. Еще одним признаком дифференциации прецедентных феноменов является их возможность / невозможность реализации в речи, в соответствии с чем происходит деление на вербализуемые и невербализуемые. Вербализуемыми могут быть как вербальные, так и невербальные прецедентные феномены; к невербализуемым же принадлежат

только невербальные прецедентные единицы. По степени универсальности среди прецедентных феноменов разграничивают социумно-прецедентные (в состав которых входят автопрецеденты, что известны только в микросоциумах, которые могут включать лишь несколько человек), национально-прецедентные и универсально-прецедентные. Подтипами вербальных феноменов являются прецедентные имена, высказывания, тексты и ситуации. Прецедентные тексты и ситуации по возможности вербального выражения относятся к вербализуемым единицам, прецедентные имена и высказывания – к собственно вербальным.

Использование прецедентных феноменов является способом косвенной коммуникации, то есть содержательно осложненной коммуникации, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретационных усилий со стороны адресата.

1.3. Прецедентность и интертекстуальность

Так как наше исследование посвящено изучению прецедентности в литературных текстах, необходимо рассмотреть, как это явление изучается в литературоведении. В отличие от лингвистов, литературоведы предпочитают говорить об интертекстуальности, а не о прецедентности. По этой причине следует разобраться с тем, как соотносятся друг с другом эти два понятия, означают они одно и то же или разные вещи. Ответ на эти вопросы позволит нам грамотно интерпретировать результаты литературоведческих исследований, посвящённых интертекстуальным связям стихотворений Марины Цветаевой.

Среди литературоведческих и философских определений-метафор интертекстуальности доминируют те, через которые явственно проступают профили их авторов – Э. Барби («бумажное каноэ»), Р. Барта («фрагменты речи

влюбленного»), Ю. Лотмана («символ-ген сюжета»), У. Эко («библиотека-лабиринт»), Х. Л. Борхеса («сад с множеством тропинок»), Ф. Ницше («вечное возвращение»), А. Валентинова («семиотика полифонии»), Н. Фатеевой («контрапункт»), В. Просалова («текст в мире текстов») и др. Образная сущность номинаций обнаруживает, на наш взгляд, представленность концепта «интертекстуальность» в целом в языковой картине мира разных народов.

Когда речь идет об интертекстуальности, трудно согласиться с исследователями, которые обилие определений интертекстуальности связывают прежде всего с новизной теории, а следовательно, и с неустойчивостью метаязыка, утверждая, что ей ещё предстоит в будущем «стать привычным понятийным инструментарием» описания явления [Ямпольский 1993: 419]. Метафоричность, по нашему мнению, является интегральной характеристикой интертекстуальности, поскольку она используется именно для создания художественных образов.

Научные интерпретации явления интертекстуальности многочисленны. Неформализованная сущность интертекстуальности – бесконечность ассоциативных связей обусловлена, вероятно, её зависимостью от типа культуры, в котором она бытует. Вполне возможно, что поэтому так трудно формализовать интертекстуальность и логически её охарактеризовать.

Научный анализ интертекстуальности обычно сводится к изучению истории формирования постструктуралистского направления в литературоведении и его метода / методов, т.е. большинство исследователей рассматривают интертекстуальность в парадигме общего становления теории текста. В этом случае учёные обычно сосредоточивают своё внимание на возникновении термина «интертекстуальность», его семантическом объеме, а также предыстории появления и научном контексте, в котором появился термин.

Авторитетные исследователи предлагают такую хронологию научных событий: впервые неологизм Ю. Кристевой «интертекстуальность» вводится в науку в 1966 году в докладе о творчестве М. Бахтина на семинаре Р. Барта (как статья «Бахтин, слово, диалог и роман» доклад публикуется в 1967 г. [Kristeva 1967: 438-465]). В это же время Ю. Кристева разрабатывает теорию и метод интертекстуального анализа в публикации «Разрушение поэтики», которая является предисловием к французскому переводу «Проблем поэтики Достоевского» [Kristeva 1970b], а также в статье сборника «Semeiotikē. Исследования по семанализу» [Kristeva 1969] и книге «Текст романа» [Kristeva 1970a].

Дальнейшая нетривиальная история одного из самых актуализированных в современной гуманитаристике направлений связана с деятельностью интеллектуалов группы «Тель Кель» и самого Филиппа Соллерса [Sollers 1968]. Далее теорию интертекста поддержал авторитетный учёный Ролан Барт, который творчески интерпретировал и развил идею интертекстуальности [Barthes 1973], в то же время определив статус новой теории в науке и введя в неё идеи российского мыслителя М. Бахтина и молодой Ю. Кристевой [Косиков 2008: 8-42].

Теория интертекстуальности в дальнейшем была сосредоточена на проблемах художественного текста: исследователей волновали и творческие личности авторов, и бесконечная возможность интерпретаций их произведений, «прочтений», и формализация интертекстуальных переключек в смыслах произведений. Обратим внимание и на время возникновения теории. Как известно, именно в 60-е гг. актуализируется постструктуралистская «философия множественности», зарождавшаяся и развитая в трудах Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ж. Лакана и др. Между теорией интертекстуальности и постструктуралистским (постфрейдистским) пониманием текста есть пересечения, которые объясняются

схожестью аргументаций и терминов в трудах философов, семиотиков, культурологов: это авторские толкования формулы взаимозависимостей «сознательного / бессознательного», или s / S , у Ж. Лакана, Ж. Делеза и др., идеи «семиотической памяти культуры» (Ю. Лотман), «диахронической матрицы» (В. Топоров), идеи трансляции кода культуры в различных моделях познания (С. Аверинцев, И. Арнольд, Х. Блум, Г. Грабович, Т. Гундорова, Г. Денисова, В. Иванов, И. Ильин и др.).

Коммуникативная, эстетическая и, прежде всего, познавательная ценность интертекста, которая осознаётся теперь исследователями при анализе художественной действительности, приводит к тому, что сама теория интертекстуальности кажется теперь крайне продуктивной, позволяющей успешнее интерпретировать другие тексты, прежде всего медийные.

Стратегии анализа художественной интертекстуальности различны в связи с разными точками зрения на её природу. Исходная позиция, впрочем, заключается в объективации движения от интересубъективности к интертекстуальности (по М. Бахтину), где центральные проблемы решаются в разных философских парадигмах: диалога – в экзистенциальной философии, полифонии – в «философии множественности» [Косиков 2008: 22]. Философия множественности, в свою очередь, вынуждена выбирать между деконструкцией Ж. Деррида, повторением Ж. Делеза, противоречивостью Ж.-Ф. Лиотара, археологией культуры М. Фуко; «их объединяет одна интенция – стремление подорвать Абсолют, освободить Множественность из-под его власти, выпустить на волю разноречивые смыслы и позволить всякой вещи утвердить свою качественную единственность» [Косиков 2008: 22].

Способы доказательств, концептуальные смыслы и аргументация у разных исследователей при этом разные. Их интегральные характеристики и мотивацию причин сформулировал Г. Косиков в авторитетном предисловии к «Введению в

теорию интертекстуальности» Н. Пьеге-Гро: «Страх перед унификацией и тотализацией, погоня за внутренним разнообразием бытия – такова движущая сила этой “вражды”. Не просто разнообразие, но разнородность (гетерогенность) и разноразличие (гетерономность) несоизмеримых и несовместимых начал, не просто многомерность, но разномерность (“мер” в мире столько же, сколько смысловых инстанций), не многоголосие, но именно разноголосие бытия, одним словом, не “множественность в единстве”, а “множественность без единства” – вот основная идея философии постмодерна» [Косиков 2008: 22].

Художественный текст, следовательно, выступает как бесконечное «плетение» интерпретаций. Р. Барт намеренно именуется Текстом, отправляя любознательного собеседника к этимологии слова: «текст» первоначально имел семантику «паутины», «ткани». Позже, в постструктуралистских метафорических определениях интертекстуальности, среди которых можно назвать уже упоминавшуюся «библиотеку» Хорхе Луиса Борхеса и другие авторские обозначения ключевого термина, последовательно воспроизводится смысл множественности. Ассоциируются друг с другом странным образом этимология Текста и синонимичные номинации Интернета, который возникает как источник информации уже после возникновения теории интертекстуальности: Интернет – «сеть» - «всемирная паутина». Смысловая переключка в данном случае очевидна.

Постструктуралистским теориям интертекстуальности свойственны интеллектуальные парадоксы, которые, по замыслу теоретиков, должны с помощью образного языкового кода точнее передавать сущность явления. В действительности, однако, они скорее затемняют смысл, что заведомо исключает возможность верификации и фальсификации теории

интертекстуальности в том виде, в каком она представлена в трудах постструктуралистов.

Как бы то ни было, для целей нашего исследования необходимо попытаться соотнести понятия интертекстуальности и прецедентности. Перспективным в этом связи является предложение Н. Кузьминой, которая при исследовании медиа-текстов различает две когнитивные категории медиа – интертекстуальность и прецедентность. Интертекстуальность в её интерпретации соотносится с транслируемым кодом культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера. Прецедентность, в свою очередь, определяется как явление жизни, которое может стать или не может стать фактом культуры. На рассматриваемом противопоставлении строится основной тезис исследования: специфика медиадискурса связана в большей степени с прецедентностью, чем с интертекстуальностью, и именно прецедентные тексты являются текстами влияния в современном социуме [Кузьмина 2011].

Когда речь идет о трансформации одного в другое, то, по мнению автора, интертекстуальные феномены проходят через фазу прецедентных, причём возможны повторяющиеся фазы.

Такой универсальный принцип различения в названном подходе, безусловно, требует внимания. Если интертекстуальность – это транслируемый код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера [Кузьмина 2011], то уточнения находятся в сфере нетождественности параметров культуры человечества и культуры конкретного социума, их отношений в истории культуры, оценок определенными обществами и др.

Прецедентность, как её понимает Ю. Караулов, включает характеристики познавательной и эмоциональной природы, является чем-то сверхличностным,

причём обращение к прецедентному феномену происходит в дискурсе данной личности [Караулов 2010: 216]. Н. Кузьмина оспаривает точку зрения Ю. Караулова: в её формулировке прецедентность – явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры [Кузьмина 2011]. Многочисленные определения и в целом аргументация Н. Кузьминой не позволяют, однако, корректно сформулировать принцип четкого различения интертекстуальности и прецедентности, когда речь идет о жанровых моделях (в частности, общей типологии жанров различных функциональных стилей или отдельных жанров, например эссе, интервью и др.). К тому же в целом взгляд автора на проблему различения интертекстуальности и прецедентности противоречит более распространенным, по крайней мере – в лингвистике, точкам зрения.

Представляется, что прецедентный феномен может быть определен как составляющая лингвокультурной компетентности говорящего, основная предпосылка участника реализации интертекстуальности – фундаментального принципа современной культуры постмодернизма. При этом даже сохраняется связь термина «интертекстуальность» с постструктуралистской традицией: напомним, что он был введен в научный обиход в 1967 году теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой для обозначения общего свойства текстов, которое выражается в наличии между ними связей, благодаря которым тексты могут разными способами ссылаться друг на друга [Ильин 1996: 225].

Интертекстуальность тогда может быть истолкована как диалогическая связь текста в семиотическом универсуме с предыдущими текстами и с последующим текстообразованием. К проявлениям интертекстуальности можно отнести цитаты, аллюзии, реминисценции, ремейки, синкретизм функциональных стилей и жанров.

Реализация интертекстуальности как категории текстопорождения становится возможной благодаря существованию прецедентных текстов как

системных единиц тезауруса лингвокультурного сообщества, имеющих социально обусловленную значимость для её членов, интертекстуальность актуализирует отдельные аспекты прецедентности таких текстов в новых текстах в процессе коммуникации.

Теория прецедентных феноменов как одно из проявлений теории интертекстуальности рассматривает заимствованные элементы в структуре текста как культурно нагруженные знаки, которые являются ядерными элементами национальной когнитивной базы [Ворожцова 2007: 18].

Появление понятия прецедентности в пределах лингво-когнитивного подхода отражает одну из сторон в исследовании интертекстуальности – способность коммуникантов оперировать культурно-значимой информацией, которая воплощается в системе прецедентных феноменов.

В то же время одного лингво-когнитивного метода едва ли будет достаточно при исследовании художественных текстов М. Цветаевой. Наличие в художественном произведении «чужого» текста обостряет проблему их соотношения и сосуществования, требует от исследователя более активной интерпретационной стратегии. С нашей точки зрения, текст-донор и текст-реципиент взаимодействуют через интерпретанта, благодаря которому происходит пересечение смыслов текстов, которые вступают во взаимодействие. Вслед за М. Риффатером [Риффатер 1988: 126–141] отметим, что такое межтекстовое взаимодействие – это не обычное копирование «чужих текстов», а творческий диалог предыдущего и нового текста. Именно особенности репрезентации «текста в тексте» и их диалогическое взаимодействие в процессе функционирования и отражает интертекстуальность. Учитывая то, что, как было показано ранее, в современной научной литературе нет единого мнения относительно определения понятия интертекстуальности, в своем исследовании интертекстуальность будем трактовать как маркированный определенными

языковыми сигналами диалог текстов, который обеспечивается заимствованием тем или иным текстом элементов другого текста.

Интертекстуальность принято рассматривать с двух позиций – позиции автора и позиции читателя [Риффатер 1988: 126–141]. Считается, что с авторской позиции интертекстуальность может быть сознательной и бессознательной. Сознательная интертекстуальность выступает как стратегия создания смысла, а бессознательная – подтверждением тезиса о том, что ни письменное, ни устное сообщение невозможны без влияния всех текстов [Jacobmeyer]. По мнению С. С. Чистовой, «с позиции автора интертекстуальность – это дополнение к установлению отношений с читателем, а также способ творения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности с помощью выстраивания сложной системы отношений с текстами других авторов» [Чистова 2009: 17].

С позиции читателя, как отмечает М. Риффатер, «интертекстуальность есть восприятие читателем отношений между данным произведением и другими – предшествующими или последующими – произведениями. Эти произведения и образуют интертекст первого произведения» [Цит. по: Пьеге-Гро 2008: 57]. И. В. Арнольд отмечает, что читатель не должен пытаться понять, что автор имел в виду при написании текста, а должен понять, что в действительности сказано в тексте с учетом социальных и культурных реалий, а также своих фоновых знаний [Арнольд 1973: 348].

И. В. Арнольд придерживается узкой трактовки интертекстуальности, заключающейся в сведении данного термина к формальным признакам межтекстовой связи. Она трактует интертекстуальность как «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд 1973: 351]. Очевидно, что для автора прежде всего важен вид межтекстовой связи. Надо также отметить, что в

своём определении И. С. Арнольд упоминает лишь три способа интертекстуальных включений. Несмотря на то, что трактовка понятия «интертекстуальность» в основном отражает суть лингвистического явления, нам это представляется довольно узким.

Узкого понимания этого термина придерживаются и другие исследователи. Например, Ю. П. Солодуб полагает, что интертекстуальность есть «связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний» [Солодуб, 2000, с. 51]. Здесь внимание уделяется только взаимодействию разных типов текста. Ещё более узкую трактовку «интертекстуальности» предлагает А. К. Жолковский, который понимает термин лишь как взаимодействие между стихотворениями [Жолковский 2005: 9]. Нельзя отрицать, что приведенные определения отражают и важные признаки межтекстовой связи, однако они могут быть взяты в качестве основного лишь в ограниченных областях лингвистического знания.

Позднее в процессе анализа интертекстуальности И. В. Арнольд всё же начинает склоняться к более широкому пониманию интертекста. Теперь, по её мнению, этот термин включает не только определенные формальные характеристики, но и межтекстовые связи, которые отражают диалогичность, присущую культуре, языку и, следовательно, тексту. Результатом нового толкования автором данного термина стало выявление так называемой «кодовой» интертекстуальности – элементов из различных сфер коммуникации (официально-деловой, религиозной, научной).

Для объяснения термина «интертекстуальность» И. В. Арнольд использует концепт оптического поля, представляющего собой пространство, в котором можно видеть предметы сквозь линзу: «Такой линзой для нас оказывается цитата, то есть преднамеренное введение чужих слов. То, что читатель сквозь

эту линзу увидит, зависит от первоначального контекста, из которого цитата взята, и от того, в который она помещена, в какой мере она маркирована и трансформирована формально и семантически; все это связано с тезаурусом реципиента, зависит от его умения быть читателем» [Арнольд 2009: 73].

В научной литературе представлены попытки определить типологические различия интертекстуальных отношений по различным критериям.

Так, Н. А. Фатеева, опираясь на исследования Ж. Женнета, посвящённые особенностям взаимодействия текстов, выделяет следующие разновидности интертекстуальных связей:

- собственно интертекстуальность, образующая конструкции «текст в тексте», включает:

а) цитаты (с атрибуцией и без), которые понимаются как воспроизведение двух или более компонентов текста-донора с собственной предикацией;

б) аллюзии – заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и осуществляется их предикация. Именные аллюзии выступают как реминисценции, то есть отсылка не к тексту, а к событию из жизни другого автора, которое узнается читателем;

в) центонные тексты представляют собой целый комплекс аллюзий и цитат (преимущественно без атрибуции):

- паратекстуальность, включающая цитаты-заголовки и эпиграфы;

- метатекстуальность, в составе которой выделяются интертекст-перевод, вариации на тему претекста, дописки «чужого» текста и языковая игра с предлогами;

- гипертекстуальность как высмеивание и пародирование одним текстом другого;

- архитектекстуальность как жанровая связь текстов [Фатеева 2006: 122-150].

В монографии «Интертекстуальность. Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили» (2011) В. П. Москвин различает интенциональные и структурные типы интертекстуальных отношений.

Исследователь выделяет три интенциональные разновидности интертекстуальности:

- риторическую интертекстуальность (запланирована и поддерживается говорящим), имеющую эстетическую или эвристическую цель и возникающую в случаях: а) цитирования; б) использования аппликаций; в) травестии; г) пародирования; г) творческого подражания известному автору;

- спонтанную интертекстуальность, которая не поддерживается специальными средствами и приемами и возникает между оригиналом и: а) переводом; б) версифицированным или прозаизированным вариантом; в) новой редакцией текста; г) адаптацией; г) инструкцией; д) сокращенным вариантом;

- криптофонную интертекстуальность, что наблюдается в случае плагиата [Москвин 2011: 18].

По структурным признакам В. П. Москвин выделяет парциальную и миметическую интертекстуальность [Москвин 2011: 17].

Парциальная интертекстуальность, как утверждает ученый, основывается на частичных ассоциациях, которые возникают тогда, когда из текста-донора изымают определенные фрагменты, а текст-реципиент их принимает [Москвин 2011: 17-18].

Основой миметической интертекстуальности являются деривационные ассоциации, возникающие в результате имитации производным текстом (текстом-реципиентом) основных признаков исходного текста (текста-донора) [Москвин 2011: 17].

Интересное замечание о взаимоотношении прецедентности и интертекстуальности содержится в работе А.Д. Васильева. С его точки зрения,

порождаемые прецедентными феноменами интертекстуальные связи «в значительной степени способствуют сложению конкретной национальной культуры как совокупности текстов, более или менее постоянно интерпретируемых носителями данного национального языка, – и, соответственно, национальной ментальности (и одновременно в той или иной мере выражают её)» [Васильев 2012: 191].

В магистерской диссертации интертекстуальность рассматривается как сознательная авторская стратегия создания смысла. Выбор такого подхода обусловлен спецификой художественного текста, рассматриваемого как система упорядоченных знаков, несущих информацию, которая соотносится с художественным опытом индивида как члена определенного лингвокультурного общества с соответствующей совокупностью обязательных знаний, которыми обладают все, кто находится в этой среде и пользуется одним языком. Только сознательно введя «чужой текст» в свое произведение, писатель активизирует когнитивную базу, являющуюся условием существования интертекстуальности художественного произведения.

В создании интертекстуальных связей активное участие принимают прецедентные тексты, предпосылкой интертекстуального потенциала которых является наличие у них коннотации как семантической ассоциации. Представляется, что сказанное справедливо для всех типов прецедентных феноменов.

Рассмотренные выше классификации интертекстуальности и прецедентности свидетельствуют о том, что это разные, но тесно связанные друг с другом явления, различия между которыми подобны различию между речью и языком. Прецедентные феномены образуют систему, где элементы потенциально могут быть реализованы в тексте, интертекстуальность же является способом реализации в тексте этих феноменов.

Глава 2. Классификация и анализ прецедентных феноменов в творчестве М. Цветаевой

2.1. Прецедентные имена

Изучение функционирования прецедентных феноменов в творчестве Марины Цветаевой логично начать с изучения прецедентных имён, которые являются структурно наиболее простой разновидностью прецедентных феноменов. Охарактеризуем принципы отбора и классификации прецедентных имён.

Материалом для исследования явилось собрание сочинений М. Цветаевой в семи томах [Цветаева 1995].

При выявлении прецедентных имён в текстах М. Цветаевой необходимо было разграничить прецедентные имена и собственные имена, не являющиеся прецедентными. Такое разграничение не было затруднительным в случаях, когда имя явно употреблялось в качестве тропа, т.е. в переносном значении – например, как знак не столько конкретного человека, сколько вообще любого человека или объекта, обладающего той или иной чертой:

*И Кто-то, упав на карту, // Не спит во сне. // Повеяло Бонапартом
// В моей стране («И кто-то упал на карту...»).*

В стихотворении речь идёт о А. Ф. Керенском, министре-председателе Временного правительства, которого М. Цветаева уподобляет Бонапарту. Прецедентное имя употребляется метафорически – как указание на комплекс качеств Наполеона Бонапарта (и даже его эпохи).

В ряде случаев имя собственное в тексте употребляется в своём прямом значении, но всё-таки позволяет исследователю классифицировать его как прецедентный феномен. Это происходит тогда, когда важным становится не

столько указание на тот или иной объект, сколько комплекс ассоциаций, связанный с этим объектом. Так, например, в стихотворении «Нет, правды не оспаривай...» читаем:

*Нет, сказок не наставляй: // Не радужная хрупь, — // Кантатой
Метастазовой // Растерзанная грудь.*

Здесь очевидна отсылка к творчеству итальянского поэта Пьетро Метастазео, и нет оснований полагать, что словосочетание «кантата Метастазео» употребляется в переносном значении: речь идёт именно о каком-то произведении, положенном на стихи этого поэта. Однако контекст позволяет считать, что мы имеем дело с прецедентным феноменом: эти слова участвуют в построении образа груди (сердца?), которая растерзана музыкальным произведением, положенным на слова итальянского поэта.

М. Цветаева использует фамилию итальянского поэта для того, чтобы вызвать определённые ассоциации в сознании читателя – важно не авторство кантаты, а эмоциональный эффект, возникающий в сознании читателя. Это подтверждается и тем, что автор не пишет, о какой именно кантате идёт речь. Можно предположить, что в данном случае конкретное произведение не имеет значения, а важны именно читательские ассоциации с творчеством Метастазео вообще – ассоциации, которые позволяют нарисовать образ растерзанной груди, точнее представить ощущения лирического героя.

Возможно также (хотя это уже не имеет прямого отношения к проблеме разграничения прецедентных имён и просто имён собственных), что речь в тексте Цветаевой идёт даже не о музыкальном произведении, положенном на слова Метастазео, а просто о его стихотворении, которое подобно музыке в силу своей лиричности и звучности.

При этом многие антропонимы, особенно имена современников Цветаевой, ряд топонимов и микропонимов, даже весьма известных, не

классифицировались нами как прецедентные имёна, если их функции в тексте ограничивались лишь указанием на тот или иной объект действительности. Так, например, стихотворение М. Цветаевой «В. Я. Брюсову» в своём заглавии не содержит прецедентного феномена – точно так же, как не содержал бы прецедентного феномена конверт, на котором в поле «Кому» современником была бы вписана фамилия русского поэта-символиста.

После этих вводных замечаний приступим к классификации прецедентных имён в текстах М. Цветаевой.

Всего было выделено 196 прецедентных имён. Многие из них употреблялись по несколько раз, но учитывались только единожды, потому что не была поставлена задача подсчёта частоты употребления автором прецедентных имён.

Самым многочисленным классом среди прецедентных имён оказались антропонимы - 156 слов. Следует отметить, что в работе не выделялись в отдельный класс теонимы, хотя такая возможность существовала. Это объясняется тем, что в древнегреческой мифологии, к которой относится большинство теонимов, боги обычно обладают человеческим обликом, нередко вступают в связь, в том числе сексуальную, с людьми (как в истории Орфея и Эвридики). При этом подчас трудно вообще провести чёткую границу между человеком и богом, так как некоторые люди, согласно древнегреческим мифам, получали бессмертие, становились супругами древнегреческих божеств и жили с ними на Олимпе, а также потому, что древнегреческие герои по своим возможностям, происхождению и судьбе тесно связаны с богами. То же, впрочем, относится и к авраамическим религиям: Иисус Христос, например, может в равной мере относиться как к богам, так и к людям.

Среди антропонимов были выделены следующие группы:

- 1) персонажи античной мифологии (боги, герои, легендарные личности); эта группа включает в себя 40 прецедентных имён: *Аид, Арес, Ариадна, Атлас, Афродита, Ахиллес, Ваал, Вакх, Гай Муций Сцевола, Геката, Гектор, Гефест, Гименей, Диана, Елена, Зевс, Иштар, Кастор, Минерва, Морфей, Орест, Орфей, Пандора, Персефона, Поллукс, Посейдон, Психея, Семирамида, Сивилла, Урания, Феб, Федра, Фетида, Фортуна, Харон, Царь Приам, Эвридика, Эол, Эрос;*
- 2) персонажи библейских мифов; эта группа включает в себя 41 прецедентное имя: *Агарь, Азраил, Вечный Жид (Агасфер), Гавриил, Георгий, Давид, Даниил, Иаир, Иаков, Измаил, Иоанн Богослов, Иоанн Предтеча, Иов, Иосиф, Иродиада, Иуда, Каин, Лазарь, Лилит, Лия, Лот, Лука, Мария, Мария Магдалина, Марк, Марфа, Матфей, Моисей, Олоферн, Пантелеймон, Рахиль, Савл (Павел), Самуил, Сарра, Саул, Соломон, Суламифь, Фома, Христос, Царица Савская, Юдифь;*
- 3) исторические лица; эта группа включает в себя 37 прецедентных имён: *Август, Андре Шенье, Байрон, Баярд Пьер дю Террайль, Бенвенуто Челлини, Гераклит, Наталья Гончарова (супруга А. С. Пушкина), Григорий Отрепьев («Гришка-Вор»), Иммануил Кант, Иоанн Златоуст, Казанова, Калиостро (Джузеппе Бальзамо), Карл XVII, Кий, Клеопатра, Лозэн (герцог Арман-Луи Бирон-Гонто), Лукреция, Людовик IX Святой, Людовик XVII, Марина Мнишек, Мария Антуанетта, Мария Стюарт, Наполеон («Повеяло Бонапартом»), Овидий, Пётр Великий, Александр Пушкин, Пьер Абеляр, Роланд, Россетти Данте Габриэль, Сафо, Степан Разин, Тамерлан, Царевич Дмитрий, Царевна Софья, Чезаре Борджиа, Элоиза (возлюбленная Абеляра), Эмпедокл;*

4) литературные персонажи; эта группа включает в себя 39 прецедентных имён. Мы разбили её на две подгруппы, так как такое разделение отражает ещё и результаты заимствования прецедентных имён русской культурой:

А) персонажи мировой литературы; эта подгруппа включает в себя 27 прецедентных имён: *Арлекин, Белоснежка, Брунгильда, Бэкки, Вертер, Гамлет, Гекк Финн, Дафнис, Дон-Жуан, Зигфрид, Индеец Джо, Кавалер де Гриз, Кай, Камерата, Кармен, Коринна, Ловелас, Лорелея, Манон, Освальд, Офелия, Принц и Ниций, Пьеретта, Пьеро, Том Сойер, Ундина, Хлоя;*

Б) персонажи отечественной литературы; эта подгруппа включает в себя 12 прецедентных имён: *Алеша Попович, Анна («Анна Каренина»), Апрельская Роза, Жемчужная головка, Звездоглазка, Илья Муромец, Мариула (Из «Цыган» Пушкина), Нина Джаваха, Рогожин, Серёжа («Анна Каренина»), Снегурка, Чернодум.*

Следует высказать несколько замечаний, касающихся разграничения исторических лиц и мифологических персонажей. Нередко интенсивной мифологизации подвергаются реально существовавшие люди. Так, например, имеются некоторые основания считать, что Иоанн Богослов действительно существовал и действительно написал тексты, приписываемые ему. Однако в христианской мифологии он является не просто человеком, который написал тексты, описывающие жизнь и учение Иисуса Христа, но и как человек, который воскрешал мёртвых, молитвами вызывал смерть язычников и проч. Поскольку в образе Иоанна Богослова в творчестве Цветаевой акцентируется именно мифологическая составляющая, он был причислен к персонажам библейской мифологии.

В целом равномерное распределение антропонимов по группам свидетельствует о том, что Цветаева уделяла одинаково пристальное внимание как античному, так и библейскому культурному наследию, значимы для неё были не только литературные источники, но и исторические. Тематика произведений Цветаевой также характеризуется подобной разнородностью: поэтесса обращается как к христианским мотивам, так и к античным; интересуется её и история, причём не только своей страны, но и Европы в целом (Цветаева долгое время жила в эмиграции, была свидетельницей присоединения Чехии к Германии).

Обращает на себя внимание, однако, преобладание прецедентных имён, взятых из мировой литературы, над прецедентными именами в отечественной литературе. Это указывает на хорошее знание Цветаевой мировой литературы: общеизвестно, что М.Цветаева с детства владела несколькими европейскими языками, переводила произведения многих европейских поэтов на русский язык.

Среди исторических лиц преобладают государственные деятели и художники (в широком смысле). Интерес творческого человека к творческим людям вполне объясним, интерес же к политикам вызван, вероятно, особенностями эпохи, в которую жила Цветаева, а также её личной судьбой: она пережила две революции в России, жила в эмиграции, будучи замужем за человеком, который, вероятно, был советским разведчиком, пережила арест мужа и дочери, застала начало Второй мировой войны.

В текстах Цветаевой было найдено 32 топонима. Все топонимы были разделены на три группы на основании их онтологического статуса. Первая группа топонимов включала реально существующие или существовавшие объекты, вторая группа – вымышленные. Третью группу, в которую вошёл лишь один топоним, мы определили как «утопические места», имея в виду места,

которые представляли собой теоретические конструкты, заведомо не претендующие на то, чтобы выдаваться за реально существующие или существовавшие, что отличает их от мест вымышленных, которые, хотя и не существуют в реальности, но претендуют на существование в реальности: у нас нет никаких объективных оснований считать, что Эдем реально существовал или существует, но в библейских мифах это место преподносится как реальное, причём его существование заведомо опровергает известные на сегодня физические законы.

Следует также прокомментировать принятое в работе разделение топонимов на реально существующие или существовавшие и вымышленные. Гора Олимп, например, несмотря на то, что существует в реальности и по сей день, отнесена нами к классу вымышленных мест. Потому что при классификации топонимов мы учитывали аспекты значений, которые проявлялись в соответствующих контекстах. В текстах Цветаевой гора Олимп представлена прежде всего как место обитания древнегреческих божеств, а не как географический объект. Что и позволило отнести этот топоним к классу вымышленных.

Получившаяся классификация топонимов выглядит следующим образом:

- 1) Вымышленные места насчитывают 17 единиц: *Аркадия, Вифлеем, Голгофа, Елисейские поля, Иордань, Кастальский ток (источник на горе Парнас), Китеж, Лета, Наксос, Олимп, Парадиз, Сад Гесперид, Сад из Эдема, Синай, Содом, Стикс, Эмпиреи.*
- 2) Реально существующие или существовавшие места насчитывают 14 единиц: *Бастилия, Бедлам, Беллею, Бельведер, Вандея, Геркуланум, Голконда, Спарта, Тарпейская скала, Троя, Шарантон, Шираз, Эскориал, Этна.*

3) Утопические места. Такой топоним встретился в текстах Цветаевой лишь однажды: *Верхний город* Леонардо да Винчи.

Утопическое место в стихотворении «Не приземист – высокоросл...» упомянуто в следующем контексте:

Сплю — и с каждым батрацким днем // Твёрже в памяти благодарной, //
Что когда-нибудь отдохнём // В Верхнем городе Леонардо.

Как известно, в своём проекте города будущего Леонардо да Винчи разделил пространство на верхнее – для знатных людей и нижнее – для остальных. Цветаева предполагает, что читатель знает о существовании идеи такого города и имеет комплекс сформированных ассоциаций, касающихся этой идеи. Поскольку этот топоним заведомо является теоретическим конструктом, мы были вынуждены выделить его в отдельную группу.

В целом состав получившихся групп согласуется с составом групп антропонимов: здесь в равной мере представлены топонимы, связанные с библейской и античной мифологией, задействованы топонимы, тесно связанные с какими-то историческими событиями. В меньшей мере, однако, здесь представлены топонимы, связанные с Россией, что обусловлено тем, что при описании географических объектов России в текстах Цветаевой на первый план выходили не ассоциации, которые изначально несут в себе словесные обозначения этих объектов, но указание на эти объекты либо внутритекстовое конструирование образов этих объектов.

Присутствуют в текстах Цветаевой также хрононимы, однако их не так много, поэтому мы не стали разбивать их на группы. Сюда мы относим 5 названий праздников, которые в проанализированных нами текстах выступают в качестве тропов, а не простых указаний на момент времени: *День Благовещенья, Казанская* (празднество в честь иконы Казанской иконы Богоматери), *Мартовские Иды, Пасха, Рождество.*

Таким образом, хрононимы в большей мере связаны с библейской мифологией – вероятно, потому, что есть объективные причины, препятствующие переходу античных празднеств в разряд прецедентных феноменов: христианство принесло с собой переход на новое летоисчисление, при этом христианские праздники периодически повторялись в жизни даже человека XX века, тогда как праздники языческие были в основном забыты, а разница используемых в античности и современности календарей значительно затрудняла синхронизацию разных систем отсчёта в сознании среднестатистического человека, если бы тот даже задался такой целью.

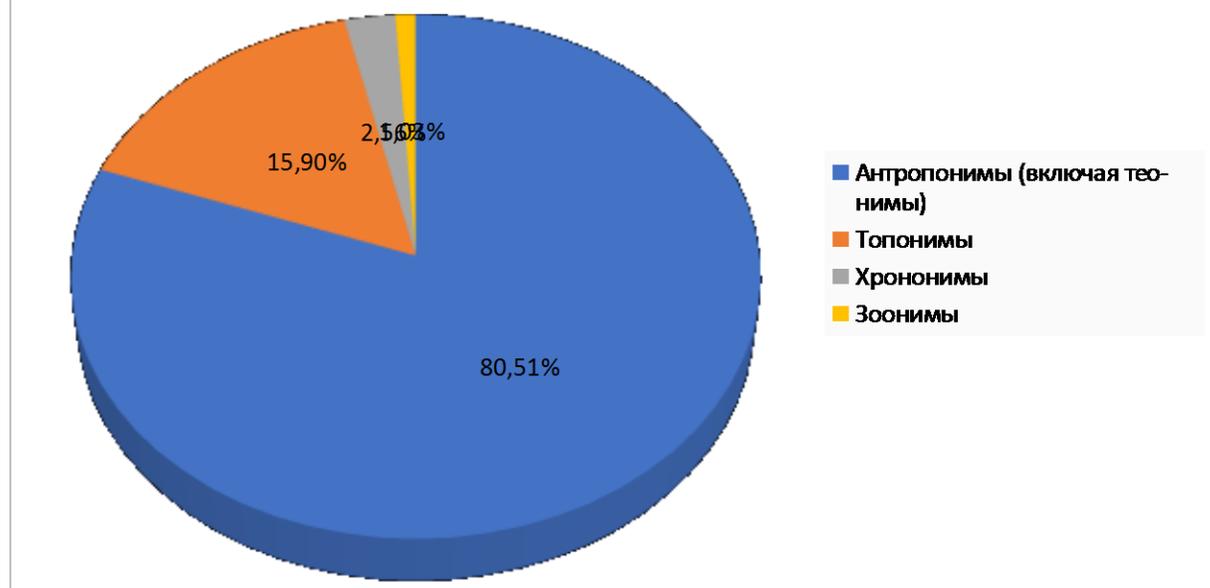
Наконец, в текстах М. Цветаевой обнаружено два прецедентных имени, которые, вероятно, следует отнести к зоонимам: это упоминание Сциллы и Харибды.

В следующей диаграмме отражены результаты классификации имён собственных:

Диаграмма 1

Распределение прецедентных имён в творчестве М. Цветаевой по типам

деление прецедентных имён в творчестве М. Цветаевой по

Результаты классификации прецедентных имён по типам свидетельствуют о повышенном интересе М. Цветаевой к внутреннему миру человека и вообще человеку. Такой вывод мы можем сделать на основании того, что антропонимы используются в большинстве случаев для характеристики людей. Они составляют $\frac{4}{5}$ от всего числа прецедентных имён. Достаточно часто используются в качестве прецедентных имён Цветаевой и топонимы, что свидетельствует о значимости для автора моделируемого в художественном мире пространства. Их доля равна $\frac{4}{25}$ от общего числа прецедентных имён. Минимально представлены в творчестве Цветаевой хрононимы ($\frac{3}{100}$) и зоонимы ($\frac{1}{100}$).

2.2. Прецедентные ситуации

Прецедентные ситуации в текстах М. Цветаевой могут создаваться как при помощи прецедентных имён (в качестве составных частей словесных

конструкций, описывающих ситуацию), так и без использования прецедентных имён. Часто бывает достаточно изменения регистра, чтобы вызвать в сознании читателя ассоциации с определённой ситуацией, как это происходит, например, в отрывке из стихотворения «Крестины»:

*...а вечный пыл // В печи смоляной поэтовой // Крестил — кто меня
крестил // Водю неподогретую...*

Использование старославянизма «печь», являющегося не собственным, а нарицательным именем, позволяет читателю соотнести описываемое с ситуацией из Библии: иудеи-вероотступники бросали тех, кто отказывался поклоняться золотому идолу, в раскалённую печь.

Выделенные прецедентные ситуации, количество которых подсчитать довольно сложно, были разделены на ситуативные комплексы, объединённые вокруг лица, совершающего то или иное действие либо являющегося центральной фигурой некоторых сюжетов, или вокруг определённого события. Ситуативные комплексы, в свою очередь, были разделены по группам на основании источника своего происхождения: мифологические (библейские и античные), исторические и литературные. Ниже представлена их классификация:

1) Мифологические ситуативные комплексы:

А) **Библейские:**

- Комплекс Христа («Распятие», «Иди один и исцеляй слепых», Отрывки из Марфы, «И за то, что с язвою // Мне принес ладонь // - Эту руку - сразу бы // За тебя в огонь!»);
- Комплекс Даниила («О, зачем тебя назвали Даниилом? // Всё мне снится, что тебя терзают львы!»)
- Комплекс Страшного Суда («Быть может, – простишь до трубы!»);

- Комплекс бедной вдовы (*«И мой обол // Прими на утверждение храма»*);
- Комплекс Иакова (*«У того, с которым Иаков стоял в ночи»; «Рахилью – Лия», Сон Иакова*);
- Комплекс Моисея (*И поплыл себе – Моисей в корзине!.., «По Нилу плыть // Дитя в корзине...»; «И цветет, цветет Моисеев куст»; «Пророк оправдан... Шествие морем Черным»*);
- Комплекс Измаила (*«Агарь в своей пустыне // Шепчет Измаилу», «Сарру-Заповедь и Агарь- // Сердце бросив»*);
- Комплекс Иаира (Дочь Иаира);
- Комплекс Саломеи (*«С головою на блестящем блюде», «Иродиады с чубом»*);
- Комплекс создания мира и человека (*«Твой день седьмой», «Горсточка красной глины»*);
- Комплекс Содомы и Гоморры (*«Бледный праведник грозит Содому // Не мечем – а лилией в щите», «Женою Лота // Застывшие столбы»*);
- Комплекс Вечного Жида (*«Был Вечный Жид за то наказан»*);
- Комплекс Иосифа (*«И вот исчез, в черную ночь исчез, — // Как некогда Иосиф, плащ свой бросив»*);
- Комплекс Георгия Победоносца (Георгий);
- Комплекс царя Давида (*«Тревожа сон Давидов, // Захлебывался царь Саул»; Скорбит // Об упавшем ввысь // По сей день Давид», «Саул за Давидом: // Смуглой смертью своей»; «Как прозорливица – Самуила», «Хвалы виноградным соком исполнясь, как Царь Давид»; «Пел же над другом своим Давид»*);
- Комплекс Соломона (*«Соломоновы пеплы // Над великой тщетой», «Жестом Царицы Савской, Спускающейся в пруд»*);

- Комплекс разрушения Иерихона (*«Иерихонским трубам»*);
- Комплекс Юдифь (*«Нет! — се — Юдифь — голову Олоферна»*);
- Комплекс Золотого Тельца (*«...а вечный пыл // В печи смоляной поэтовой // Крестил — кто меня крестил // Водю неподогретою...»*);
- Комплекс Адама и Евы (*«Змея ветхая лесть»*);

Б) Античные:

- Комплекс Орфея и Эвридики (*«тень Эвридики», «Не ты ли // Её шелестящей хламиды // Не вынес - // Обратным ущельем Аида?», «Так плыли: голова и лира...»*);
- Комплекс Гекаты (*«факел Гекаты»*);
- Комплекс Ореста (*«О, будьте моим Орестом»*);
- Комплекс амазонок (*«Грудь женская! Души застывший вздох...»*);
- Комплекс Сцеволы (*«Быть неким Сцеволой»*);
- Комплекс Троянской войны (*«Елениной красной Трои»; «Сын Фетиды — с дочерью Аресовой»; «Так — только Елена глядит над кровлями»; «Не Сиреной... // Заключенное в грот»*);
 - Комплекс основания Рима (*«Седящей волчицы римской. Взгляд, в выкормыше зрящей — Рим!»*);
 - Комплекс платонической любви (*«Три своих над Платоновой половиною промотав»*);
 - Комплекс Харона (*«Харонова мзда за Лету»*);

2) Исторические ситуативные комплексы:

- Комплекс Наполеона (*«мученик Рейхштадский»*)

- Комплекс Наполеоновских войн («Бонапартисты», «Генералам двадцатого года»);
- Комплекс Людовика XVII («дофина бил сапожника кулак»);
- Комплекс Спарты («моя душа спартанского ребёнка»; «Помнишь лисенка, сердце спартанца?»);
- Комплекс Петра Великого («Над городом, отвергнутым Петром», «Так, нахлобучив кулаком скуфью // Не плакала – Царевна Софья!», Петру);
- Комплекс А. С. Пушкина («Счастье или грусть»);
- Комплекс царевича Дмитрия («Голубь углицкий – Димитрий»);
- Комплекс А. Ф. Керенского («И кто-то, упав на карту...»);
- Комплекс Жанны Д'Арк («Руан», «Я к небу воздеваю руки — // Как — древле — девушка одна...»);
- Комплекс Лжедмитрия (Когда рыжеволосый самозванец, «Гришка-Вор тебя на опоячал», «Боярыней Морозовой на дровнях // Ты отвечала русского царю», «Гул кремлевских гостей незваных», «Не в басмановской встал крови», «В гулкий оконный пролет // Не махнувшая следом...», «В маске дурацкой лежал»);
- Комплекс Великой французской революции («Век, коронованный Голгофой», «В каменном гробу Бастилий»);
- Комплекс Гражданской войны («Белая гвардия, путь твой высок...», «Белогвардейцы! Гордиев узел...»);
- Комплекс Байрона («Я берег покидал туманный Альбиона...»);
- Комплекс Эмпедокла («Сочетавшись с тобой, как Этна с Эмпедоклом»);
- Комплекс Цезаре Борджиа («Что по ночам шептал // Цезарь – Лукреции»);

- Комплекс татаро-монгольского ига («*А про жизнь скажу, что пиши – пропало, коли кланяться – не ходок – в орду*», «*В óны дни певала дрёма // По всем сёлам-деревням: // — Спи, младенец! Не то злему // Псу-татарину отдам!*»)

- Комплекс нашествия варваров («*Ночью чёрной, ночью лунной — // По Тюрингии холмам: // — Спи, германец! Не то гунну // Кривоногому отдам!*»);

- Комплекс Николая I («*Польского края зверский мясник*»);

3) Литературные ситуативные комплексы:

- Комплекс Анны Карениной («*Анна над спящим Серёжей*»);

- Комплекс Роланда («*Роландов рог*»);

- Комплекс Гамлета («*Диалог Гамлета с совестью*»);

- Комплекс Нибелунгов («*Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой, // Брачное дело решил мечом*»);

- Комплекс сказочных рыцаря и дамы («*Ты -- принцесса из царства не светского, // Он -- твой рыцарь, готовый на все...*»)

- Комплекс князя Игоря («*Над разбитым Игорем плачет Див*»).

Заметим, что наиболее часто Цветаева использует прецедентные ситуации, взятые из библейских историй, что свидетельствует об особой значимости библейских сюжетов для русской культуры: читатель, по замыслу Цветаевой, может и должен узнавать не только имена библейских героев, но и помнить чувства этих героев, когда они оказывались в той или иной ситуации, равно как и сами ситуации, в которых они оказывались.

2.3. Прецедентные тексты

В творчестве М. Цветаевой прецедентные тексты могут входить как косвенно – при упоминании цитат из них или перечислении героев произведений, - так и напрямую – посредством упоминания текста по названию. В данной работе понятие текста мы не ограничиваем только лишь литературой: к текстам мы относим и произведения музыки, скульптуры, живописи и проч.

Следует отметить, что обнаружение рефлексов прецедентных текстов в творчестве любого автора – достаточно тяжёлый труд, при этом доказать использование автором отсылки к другому тексту часто практически невозможно. По этой причине мы ограничились в магистерской диссертации лишь упоминанием явных отсылок к другим текстам, которые едва ли вызовут у кого бы то ни было сомнения. Как справедливо отмечает А.Д. Васильев, «возможны случаи некоей “глухоты” к прецедентным текстам, вызванной либо отсутствием художественного слуха и вкуса (когда речь идет о текстах поэтических, беллетристических вообще), либо заведомым отторжением самого представления о прецедентности конкретного текста или их совокупности (преимущественно когда имеются в виду тексты политической тематики)» [Васильев 2012: 22]. В связи с этим можно говорить, что граница между прецедентным именем и обычным именем собственным порой весьма расплывчата.

Произведения литературы упоминаются явно и в качестве прецедентных текстов Цветаевой 55 раз, причём не всегда называется конкретное произведение какого-либо автора, иногда может иметься в виду творчество автора вообще, если оно устойчиво ассоциируется с определёнными образами, определённым настроением и проч. Встречаются также в стихах Цветаевой в качестве прецедентных текстов наименования целых литературных жанров

(комедии del arte). Эти тексты были разделены на две группы в зависимости от принадлежности к русской или мировой литературе.

Более многочисленной оказалась группа произведений мировой литературы, она включает 32 произведения: *«Божественная комедия»* Данте, *«Встречи господина де Брео»* Анри де Ренье, *«Гамлет»* У. Шекспира, *«Дама с камелиями»* Дюма, *«Дафнис и Хлоя»* Лонга, *«Илиада»* Гомера, *«Искусство любви»* Овидия, *«История кавалера Де Гриё и Манон Леско»* А.Ф. Прево, *«Как вам это понравится»* У. Шекспира, *«Кларисса»* С. Ричардсона, *«Книга песен»* Г. Гейне, *«Коринна, или Италия»* Ж. де Сталь, *«Лихтенштейн»* В. Гауфа, *«На погребение английского генерала сира Джона Мура»* Ч. Вольфа, *«Одиссея»* Гомера, *«Ослиная шкура»* Ш. Перро, *«Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна»*, *«Принц и Нищий»* Марка Твена, *«Сатиры»* Ювенала, *«Снежная королева»* Г.-Х. Андерсена, *«Страдания юного Вертера»* Ф. фон Гёте, *«Ундина»* Фридриха де Ламонтт-Фуке, *«Фауст»* В. фон Гёте, Библия, *«Дэвид Копперфильд»* Ч. Диккенса, творчество Пьетро Метастазио, жанр комедии del arte, творчество Марселины Деборд-Вальмор, молитва *«Свете тихий»*, произведения Жанлис де Стефани, Рейнские саги, Сказание о Нибелунгах.

В текстах Цветаевой упомянуты 23 текста русской литературы: *«150 000 000»* В. Маяковского, *«Crurifragium»* С.М. Сольева, *«Анна Каренина»* Л. Толстого, *«Бесы»* А. С. Пушкина, *«Братья Карамазовы»* Ф. Достоевского, *«Вурдалака»* А. С. Пушкина, *«Горе от ума»* С. Грибоедова, *«Евгений Онегин»* А. С. Пушкина, *«Идиот»* Ф. Достоевского, *«На небе празель, и месяца осколок...»* А. Блока, *«Петербург»* Андрея Белого, *«Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях»* А. С. Пушкина, *«Сред шумного бала, случайно»* А. К. Толстого, *«Царь Никита и сорок его дочерей»* А. С. Пушкина, *«Цветок любви»* А. С. Пушкина, *«Цыгане»* А. С. Пушкина, русские былины, *«Княжна Джаваха»* Л. А. Чарской, предсмертная записка В. Маяковского, Слово о полку Игореве,

творчество В. Я. Брюсова, творчество Б. Пастернака, творчество Ф. Тютчева.

Как и следовало ожидать (учитывая результаты распределения прецедентных имён по группам), на произведения зарубежных авторов М. Цветаева ссылается чаще, чем на произведения авторов отечественных. Присутствуют, однако, в её творчестве и прецедентные тексты, не относящиеся к литературе, т.е. вербализуемые.

Во-первых, это 4 картины: «В сумерках» Поля Шабаса, икона Иверской Божией матери, Московский герб с Георгием Победоносцем, «Орден Льва и Солнца» – известная в то время иллюстрация к детской книге А. П. Чехова «Лев и Солнце».

Чаще, 8 раз, встречаются в качестве прецедентных текстов произведения скульптуры и архитектуры: *Вандомская колонна, Статуя Венеры Милосской («Камень безрукий»), церковь Нечаянная Радости, Памятник рыцарю Брунsvику в Праге, Парижские химеры – на соборе Парижской Богоматери, Троице-Сергиева лавра в Сергиевом Посаде, скульптура «Паганини» С.Т. Коненкова, Иверская часовня Кремля.*

Музыкальные произведения встретились нам трижды: *«Кольцо Нибелунгов» Р. Вагнера, «Тоска» - опера Джакомо Пуччини, неаполитанская песня «Увидеть Неаполь и умереть».*

Также в качестве прецедентного текста М. Цветаева упоминает известную фотографию Адольфа Гитлера, где он изображён глядящим из Градчанского замка (см. Приложение 1). Об этом свидетельствуют строки из стихотворения «Барабан»: *«Вран! Вран! Вран // Завелся в Градчанском замке! // В ледяном окне — как в рамке // (Бум! бум! бум!) // Гунн! // Гунн! //Гунн!»*

Теперь, когда нами классифицированы и распределены по группам прецедентные имена, ситуации, высказывания и тексты, мы можем исследовать

способы их интертекстуализации в творчестве Цветаевой, выявить функции, которые они выполняют в её произведениях, и подробнее остановиться на анализе конкретных текстов поэтессы.

Глава 3. Интертекстуализация прецедентных феноменов в творчестве

М. Цветаевой

3.1 Цитаты в творчестве М. Цветаевой

Важную роль в порождении интертекстуальных связей играет цитирование, прямое и косвенное, которое заведомо отсылает читателя к прецедентному тексту. В отличие от аллюзии, которая может легко отсылать нас к любой разновидности прецедентных феноменов (имени, ситуации, тексту), цитата не может не напоминать нам о том или ином тексте, из которого она взята. Даже если этот текст не может быть нами опознан, мы всё равно ощущаем наличие интертекстуальной связи, пусть и скрытой от нас.

В ходе исследования нами были обнаружены 27 прецедентных высказываний, оформленных как прямые или косвенные цитаты. Источниками их являются библейские тексты (*«Как верблюды в иглу пролезли», «Как печать на сердце твое, как перстень на руку твою»*), известные высказывания исторических деятелей (*«Не был Цезарем бы, стал бы поваром бы»* - трансформация изречения Александра Македонского: *«Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном»*), а также литературные произведения (*«Буду выпрашивать воды широкого Дона...»* - трансформированный Плач Ярославны).

Библия и связанные с ней тексты являются источниками этих цитат в 6 случаях, крылатая фраза исторического деятеля встретилась нам однажды, произведения литературы дали нам 20 примеров цитат. Цитаты вводятся в тексты либо напрямую, часто в качестве эпиграфов, а также в виде перифразов, нередко творчески переосмысляющих содержание исходной цитаты.

Напрямую оформленные цитаты в большинстве случаев берутся из литературных произведений. Примечательно, что эти цитаты могут приводиться

автором на языке оригинала, как это происходит, например, в стихотворении «Правда», эпиграфом к которому служит строка из «Сатир» Децима Юнима Ювенала, древнеримского поэта: «*Vitam impendere vero*».

Цитируются порой не законченные мысли авторов, а лишь словосочетания, что, вероятно, в ряде случаев призвано порождать иронический эффект. Так, в стихотворении «В.Я. Брюсову», которое было ответом на его критику творчества Цветаевой, автор использует фразы из его рецензии: «*острых чувств*», «*нежных мыслей*».

Часто, однако, цитаты входят текст не напрямую, а опосредованно, иногда почти дословно воспроизводя оригинал, иногда сохраняя лишь некоторые структурные элементы оригинала. Примером почти дословного воспроизведения оригинального текста могут служить следующие строки из стихотворения «Ты проходишь на Запад Солнца...»: «*Ты проходишь на Запад Солнца, // Ты увидишь вечерний свет*», «*Свете тихий, святые славы*». Эти строки сохраняют лексико-стилистические черты молитвы «Свете тихий»: «*Свете Тихий святые Славы Безсмертного Отца Небесного, Святого Блаженного, Иисусе Христе, пришедшие на запад солнца, видевшие свет вечерний*».

Примерами видоизменения оригинального текста с сохранением его структурных особенностей могут быть строки из «Поэмы воздуха»: «*Не был Цезарем бы – // Стал бы поваром бы*». Вероятно, они являются перифразом знаменитого изречения, приписываемого Александру Македонскому: «*Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном*». Структура восприятия подобного цитирования весьма интересна, поскольку оригинальное высказывание содержит два прецедентных имени, тогда как высказывание, встречающееся в тексте Цветаевой, содержит лишь одно прецедентное имя, отличное от тех, что есть в оригинале. Несмотря на это обстоятельство, связь

этих стихотворных строк с изречением Александра Великого, пожалуй, очевидна любому среднестатистическому носителю русского языка. Связь эта осуществляется благодаря сохранению условного типа связи между двумя клаузами и их бытийственному характеру («если бы не был... хотел бы быть»). Не изменяется, несмотря на различность собственных и нарицательных имён в исходной фразе и фразе из текста Цветаевой, взаимоотношение этих имён в пределах фразы. Слово «Цезарь» соотнесено с правителем, статус которого, конечно, несоизмеримо выше статуса повара. Статус Александра Великого также несоизмеримо выше статуса Диогена. Как видим, воспроизведение этих связей обеспечивает прецедентность высказывания даже при замещении и устранении прецедентных имён. Порой несоответствие высказывания в тексте М. Цветаевой и оригинального высказывания может быть вызвано только лишь сменой регистра: *«Буду выпрашивать воды широкого Дона...»* Эта строка и последующие представляют собой трансформированный текст Плача Ярославны.

Перифразы заключают в себе значительный потенциал для языковой игры, чем и пользуется время от времени М. Цветаева («Всех румяней и смуглее» в тексте Цветаевой - вместо «Всех румяней и белей» в тексте Пушкина; *«Узреть Гаммельно – и умереть»* - вместо строки из популярной неаполитанской народной песни: *«Увидеть Неаполь и умереть»*).

Особого внимания заслуживает приём реализации прецедентного высказывания, который можно отнести к косвенным цитатам. В стихотворении «Хвала богатым» присутствуют строки, которые восходят к известному библейскому высказыванию, согласно которому легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому человеку попасть в рай: *«Есть такая дурная басня: // Как верблюды в иглу пролезли»*. Если в библейском тексте высказывание не описывает реально произошедшую ситуацию и заведомо

гипотетично по своей природе, в тексте Цветаевой оно описывает нечто свершённое, позволяя гипотетическое мыслить реальным.

Отдельно следует рассмотреть эпиграфы, которые практически всегда представляют собой цитаты из художественных текстов. Эпиграфы тесно связаны в творчестве М. Цветаевой с посвящениями. Можно даже сказать, что многоуровневые посвящения и эпиграфы являются одной из особенностей поэтического творчества Марины Цветаевой и одновременно способом введения в текст прецедентных феноменов, нацеленных на предоставление контекста, необходимого для понимания того, что описывается в самом стихотворении.

В ходе исследования мы выяснили, что Цветаева вообще достаточно часто использует эпиграфы. Поскольку она выбирает их намеренно, можно сказать, что эпиграфы лаконично выражают концепцию её стихов, становятся неотъемлемой частью текста и отражают коммуникативное намерение автора. Это не относится к посвящениям, которые играют важную роль в ономастическом пространстве поэзии Марины Цветаевой, поскольку они являются именами реальных людей (часто современников поэта) или отражают ее литературные вкусы. Однако, в отличие от эпиграфов, они не всегда тесно связаны с самим текстом.

В эпиграфах весьма употребительны также антропонимы, указывающие на автора знаменитых строк, то есть интертекстуальные элементы становятся прецедентными именами.

Цветаева, например, цитирует в одном из своих стихотворений стихотворение «Мечта» Ф.И. Тютчева и использует его как эпиграф или даже заглавие для собственного стихотворения.

Таким образом, цитаты в творчестве Цветаевой сохраняют свою связь и с прецедентными именами, что позволяет нам утверждать, что именно

прецедентное имя является в лирике М. Цветаевой наиболее значимым среди всех прецедентных феноменов.

3.2 Аллюзии в творчестве М. Цветаевой

Как было показано во второй главе диссертации, самой яркой особенностью использования прецедентных имен Мариной Цветаевой является их изобилие и разнообразие (в хронологическом, тематическом, жанровом и др. аспектах), т. е. имя собственное становится одним из наиболее важных текстообразующих элементов, независимо от его положения в тексте и его функции; это справедливо и для тех случаях, когда прецедентный феномен упоминается уже в заглавии: «Даниил» (1916), «Иосиф» (1917) и р. В случаях, когда уже название стихотворения содержит в себе прецедентное имя, оно обычно становится центром семантического поля стихотворения, даже если в самом тексте прямо более не упоминается.

Вероятно, эта особенность связана с представлениями самой поэтессы о сущности имени. В своей знаменитой поэме «Душа и имя», следуя древнегреческой традиции, поэтесса подчеркивает таинственную связь человеческого имени и индивидуальности и природы человека: *«Но имя Бог мне иное дал: // Морское оно, морское!»*

Автор не только помещает собственное имя на передний план семантического поля, но и осуществляет с этим словом языковую игру. Таким образом, собственное имя становится центром звуковой организации текста, уподобляясь анаграмме. Подобный приём, направленный на обыгрывание звуковой формы имени собственного «Пушкин», продемонстрирован и в стихотворении «Психея» (1920): *«Пуни и полночь. Пуни — и Пушкин, // Пуни — и пенковая трубка // Пышущая».*

Интересно, что и сама фигура Пушкина, чья фамилия сама по себе может часто быть классифицирована как прецедентный феномен, нередко описывается посредством других прецедентных феноменов. Приведём пример: *«И повинись, поэт, // Что ничего, кроме этих ахов, // Охов, у Музы нет. // Недр, наинизший тон. // Так перед вспыхнувшей Суламифью — // Ахнувший Соломон»*. Такой же принцип встречается при перифразисе («Чугунный правнук Ибрагимов» - о Пушкине), метафорическом употреблении имени («Что вам, молодой Державин, // Мой невоспитанный стих!»).

Включая элементы языковой игры в текст, автор подчеркивает концептуальное значение имени человека. Например, в стихотворении «Федра» (1923) мы читаем следующее: *«Ипполит! Ипполит! Болит! // Опаляет... В жару ланиты... // Что за ужас жестокий скрыт // В этом имени Ипполита!»* Этот пример иллюстрирует очень интересный случай организации повествования, при котором описываемые чувства могут в одинаковой мере быть отнесены к двум субъектам: автору и Ипполиту.

Мы можем заключить, что интертекстуализация в творчестве М. Цветаевой предполагает наделение прецедентного феномена художественной функцией или даже несколькими. Функции использования прецедентных феноменов, особенно имён, в лирике Цветаевой различны. Одна из главных функций – это проведение аналогии.

М. И. Цветаева использует личные, религиозные и мифологические имена не только для объяснения прошлого, но и для аналогии, когда временные слои прошлого и настоящего сливаются в одном целом – именно такое восприятие реальности намеренно формирует поэтесса, обычно используя при этом незаметный переход слов автора в прямую речь.

Ярким примером такого перехода служит следующий отрывок: *«Но рот напряжен и суров. // Умру, -- а восторга не выдам! // Так с неба Господь Саваоф*

// Внимал молодому Давиду» («Марина! Спасибо за мир ...», 1918). Обращение к библейскому наследию, осуществляемое через введение в текст прецедентных имён и формирование с помощью них прецедентной ситуации, позволяет автору надеяться на то, что читатель, актуализируя свои знания об этой ситуации, сможет быстро и отчётливо понять, какого рода чувства переживает лирический субъект стихотворения.

В поэтическом идиолекте М. Цветаевой использование имён собственных тесно коррелирует со стадиями развития образа субъекта, обозначаемого этим именем. Восприятие собственного имени как семантически полного знака и его соответствия референту развивается в двух направлениях:

а) имя собственное начинает считаться «релевантным», истинным символом и интерпретируется через ассоциативные знаки, через историю упомянутых личностей: *«Анна // Ахматова! Это имя - огромный вздох, // И в глубь он падает, которая безымянна»; «Имя ребенка - Лев, // Матери - Анна. // В имени его - гнев, // В материнском – тишь»* («Стихи Ахматовой» 1916 года); *«Димитрий! Марина! В мире // Согласнее нету ваших // Единой волною вскинутых, // Единой волною смытых // Судеб! Имен!»* (1916); *«Елена. Ахиллес. // Звук назови созвучней»* (из цикла «Двое», 1924); при этом может даваться характеристика и самому имени: *«Пушкин, Пушкин, Пушкин — имя // Благородное — как брань // Площадную — попугаи. // — Пушкин? Очень испугали!»* («Стихи Пушкину», 1931 г.); ср. стихотворение, написанное в 1917 году: *«Как ладонью, гладил сердце. // Именем своим имперским: Август!»*;

б) Интересны случаи попыток переименования героев, наблюдаемые в стихотворениях и поэмах Цветаевой: *«О, зачем тебя назвали Данилом?»* (из цикла «Даниил», 1916). Это «переименование» может выходить за рамки категорического класса: *«Ты нынче зовешься Мариной, -- разлука!»* («Я вижу тебя черноокой, - разлука!», 1920); *«Гектором иль Бонапартом // Звать тебя?»*

Москва или Троя? // Звездной и военной картой // Город лег...» Эти примеры, впрочем, существенно не влияют на форму самого имени: вместо этого они передают некоторые характеристики имени референту, обозначаемому им, обычно при этом осмысливается звуковая форма имени (как в некоторых примерах выше). Особый интерес представляет использование собственных имен в характеризующей функции.

Хотя мы изучаем преимущественно лирику М. Цветаевой, отметим интересное использование автором прецедентных имён в прозаическом произведении. В рассказе «Хлыстовки» автор использует библейские аллюзии к Богу, Пресвятой Деве и Христу. Однако М. Цветаева сознательно делает их антигероями, обладающими не очень приятными качествами (например неряшливостью). Более того, она использует грубую и нарочито разговорную форму «ихних», чтобы подчеркнуть своё отношение к ним: *«Но не они приходили за яблоками, не те, степенные, дулокие, а оне, то есть ихняя Богородица с Христом, рыжим, худым, с раздвоенной бородой и глазами — теперь бы сказала: очень рвано одетым и босым, их Христос — с ихней Богородицей, старой, уже не янтарной, а кожевенной, кожаной, и хотя и не рваной, но все-таки страшноватой. Отношение у родителей к этим набегам было... судьбинное».*

Следует отметить, что аллюзии не предполагают в обязательном порядке использование прецедентных феноменов. В творчестве Цветаевой много примеров аллюзий к узкому кругу лиц, своим знакомым. Такого рода аллюзии обычно не могут быть замечены среднестатистическим носителем русского языка, однако они легко считывались ближайшим окружением поэтессы.

Разумеется, одними из наиболее часто используемых имен в произведениях Цветаевой являются имена людей из её семьи: Ариадна, Аля, Анжелика. Также большое количество имён собственных используется при

оформлении посвящения или прямого обращения: Анне Ахматовой, Байрону, Бальмонту, Брюсову, Маяковскому, Пушкину и т.д. Эта группа имён, конечно, обладает иным статусом: Байрон определённо мог считаться прецедентным именем уже на момент написания стихотворения, тогда как фамилия Брюсова в ту эпоху, пожалуй, ещё не могла считаться прецедентным феноменом, поскольку была известна недостаточно широкому кругу лиц. Преобладание, однако, имён прецедентных среди имён, употребляемых в посвящениях и в качестве обращений, позволяет сделать вывод о том, что Марина Ивановна Цветаева была литературным человеком, для которого поэтический мир был более значим, чем мир обыденный.

Особую функцию выполняют прецедентные имена, будучи употреблены в тексте лишь однажды. Однократное использование прецедентных имен в стихах является еще одной характерной чертой поэтессы. Цветаева часто использует их только в эпиграфах и посвящениях. Она использует собственные имена (прецедентные или обычные) более одного раза очень редко, обычно ограничиваясь их однократным употреблением.

Исключением является, например, стихотворение «Так -- только Елена глядит над кровлями Троянскими!» (1923): *«Так -- только Елена глядит над кровлями Троянскими!»*

В этом стихотворении, состоящем из шести строф, первые четыре строфы начинаются со слов *«Так – только Елена»* (но пунктуация не всегда одинакова), пятая строфа начинается со слов: *«Но нет, не Елена!»*, а заключительная строфа звучит следующим образом: *«Как даже Елене за красным ужином // В глаза не дерзалось своим рабам...»* Следовательно, весь лирический сюжет здесь выстроен вокруг аллюзий к прецедентной ситуации с участием Елены. Частое и преднамеренное сравнение ощущений лирического субъекта с ощущениями Елены позволяет нам сделать вывод о том, что прецедентный феномен здесь

является эталонной единицей измерения, своеобразным камертоном, регулирующим эмоциональную наполненность переживаемых лирическим субъектом событий.

Когда в тексте появляются известные имена, это не требует объяснения того, кто или что стоит за этими именами, так как эти имена широко известны и способны вызывать в сознании читателя определённый спектр ассоциаций. Этот приём также используется, если автор намеревается дать в тексте прямую речь героя. Тем не менее, некоторые имена могут лишь упоминаться, не становясь именовани^{ем} полноправного участника событий, описываемых в стихотворении.

У Цветаевой есть несколько стихотворений-посвящений, озаглавленных следующим образом: «С.Э.», «П.Э.» и др., и среднестатистическому читателю будет сложно понять, кому они посвящены. Разумеется, для знатоков творчества Цветаевой эти инициалы вполне понятны; тем не менее, желание автора замаскировать адресата, характерное в особенности для начального периода ее творчества, также может считаться особым способом введения в текст имени собственного.

Интересны случаи, когда в стихотворных текстах Цветаевой имя нарицательное получает признаки имени собственного, часто даже превращаясь в полноценный прецедентный феномен. При этом автор часто прибегает к приёму капитализации, что и придаёт исконно нарицательному имени признаки имени собственного.

Анализируя стихотворения, являющиеся посвящениями, мы выявили определенную закономерность в использовании прецедентных имён. Это позволило нам выделить ряд стихотворений, для которых характерен особый способ введения прецедентного имени в текст, который мы условно назовём

косвенным, потому что собственное имя вводится в текст только посредством маргинальной приписки к заглавию, но не встречается в повествовании.

Интересно, что М. Цветаева использует не так много способов введения в текст прецедентных имен и ситуаций. При этом следует учитывать, что введение собственного имени, как нам кажется, является одной из основных макротекстологических проблем, поскольку контекст в значительной мере определяет дальнейшее существование собственного имени в тексте. При написании текста автор учитывает, что адресат должен иметь возможность идентифицировать сообщение, поэтому обычно прецедентное имя называется прямо, но иногда поэтесса не называет имя прямо, лишь подразумевая его через описание прецедентной ситуации.

Мы проанализировали примеры вхождений антропонимов в тексты Марины Цветаевой, и пришли к выводу, что поэтесса не использует все возможные способы введения прецедентного феномена в текст. Возможными при этом мы считаем следующие способы:

1. Персонаж и имя вводятся одновременно.
2. Автор использует имя, но персонаж описывается позднее.
3. Сначала автор характеризует персонажа и лишь затем упоминает его имя.
4. Автор называет имя, но никак не описывает его носителя.
5. Автор описывает персонажа, но не упоминает его имени вообще.

Так, Цветаева использует способ введения персонажа в текст посредством использования его имени и/или фамилии, не прибегая к помощи имён нарицательных для характеристики персонажа, чтобы создать эффект вовлечённости читателя в мир произведения. Например, в стихотворении «Двое» (1923) мы встречаем много примеров такого рода, хотя автор никогда не говорит читателю прямо, кого она на самом деле имеет в виду и характеризует

посредством прецедентных имён: *«Не суждено, чтобы сильный с сильным // Соединились бы в мире сем. // Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой, // Брачное дело решив мечом».*

В следующих примерах через посвящение автор вводит в текст прецедентное имя, но не вводит в текст самого человека, обозначаемого им. Ряд имен встречается только после слова «посвящено» (Антокольскому, Вере Аренской, Алексею Александровичу Подгаецкому-Чаброву, Борису Пастернаку, И. Эренбургу) или в названии стихотворения («Памяти Нины Джавахи», «В память о Беранже», «В.Ю. Брюсову», «Дочери Иаира», «Даниил», «Джордж», «Марина», «Дон Жуан», «Кармен» и т.д., цикл «Стихи к Сонечке»). В этих примерах прецедентные имена в разных вариантах (полное имя, имя животного, имя, фамилия, имя + отчество + фамилия) являются известными широкому кругу лиц и не требуют дополнительных комментариев в тексте.

Вышеупомянутое стихотворение «Анне Ахматовой» тоже можно отнести к этой группе, но с одним фундаментальным отличием: впервые имя и фамилия появляются в последних строках стихотворения *«Я полюбила Вас, // Анна Ахматова».*

Как было показано нами во второй главе, античные имена становятся неотъемлемой частью антропонимического корпуса стихотворений Цветаевой. Многочисленные упоминания имён античных божеств и героев свидетельствуют также и о том, что стихи Цветаевой полны интертекстуальных связей, поскольку эти имена особенно легко ассоциируются с определёнными мифами и эпическими или литературными произведениями. Впрочем, богатый духовный и нравственный опыт, накопленный за многие века и народами более поздних эпох, в том числе литературный, театральный и музыкальный опыт многих поколений, раскрывается в текстах Марины Цветаевой в различных формах, например: *«Как хорошо за книгой дома! // Под Грига, Шумана и Кюи //*

Я узнавала судьбы Тома». Это свидетельствует не только об авторской эрудиции, филологическом и лингвистическом опыте, но и о ее участии во всемирном культурном макропространстве.

Приведём в качестве примеров имена лишь нескольких «античных» стихотворений: «Психея» (1918), «Сивилла и юность» (1921), «Орфей» (1921), «Амазонки» (1921), «Сивилла» (1922), «Федра» (1923), «Эвридика - Орфею» (1923), «Ариадна» (1923), «Наяда» (1928) и т.д. Это означает, что древний мир занимал значимое место в духовном мире поэтессы. Даже в стихотворении «Рельсы», в котором поэт, кажется, говорит не об определённых людях, а о бесконечном потоке уходящих людей, есть строка, содержащая прецедентное имя, связанное с античностью: *«Час, когда отчаяньем как свахой // Простыни разостланы. — Твоя! — // И обезголосившая Сафо // Плачет как последняя швея»*.

Анализ аллюзий в стихотворных текстах Марины Цветаевой показывает, что автор редко использует имена нарицательные, которые закрепляют тот или иной статус за объектом описания, вместо этого предпочитая использовать прецедентные имена и ситуации, которые, обладая определённым эмоциональным содержанием, позволяют поэтессе ёмко охарактеризовать происходящие в её лирике события. Будучи человеком начитанным, Марина Цветаева с лёгкостью отсылает своих читателей к известным именам, событиям, фактам из мировой истории. Несомненно, это усложняет восприятие ее работ для неподготовленного читателя. Своеобразное «жонглирование» прецедентными именами стало одним из элементов художественного стиля Марины Цветаевой.

Аллюзии являются наиболее распространённым способом интертекстуализации прецедентных феноменов. Прецедентные феномены при этом могут быть употреблены как в своём прямом значении, так и в переносном.

Наиболее распространёнными тропами, используемыми при интертекстуализации прецедентных феноменов посредством аллюзий, являются метафора, эпитет и сравнение, причём метафоры и эпитеты характерны для прецедентных имён, а сравнения – для прецедентных ситуаций. Основной функцией интертекстуализации прецедентных феноменов при этом является актуализация ассоциативных комплексов в сознании читателя, которые бы позволяли тому быстрее и точнее понимать эмоции и чувства лирических героев, их мотивы и ситуации, в которых они оказываются.

Заключение

В ходе исследования были решены следующие задачи:

1) Охарактеризована прецедентность как явление и подходы к её определению и изучению.

Мы рассматривали прецедентные феномены как компоненты знаний, обозначения и содержание которых хорошо известны представителям определенной этнокультурной общности и которые актуальны и используются в когнитивном и коммуникативном аспектах. Феномен прецедентности базируется на общности социальных, культурных или языковых – фоновых знаний адресата и адресанта. Прецедентные феномены хорошо известны всем представителям лингвокультурного сообщества. Прецедентные феномены актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане (за прецедентным феноменом всегда стоит определенное представление о нём, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета). Апелляция к прецедентным феноменам постоянно возобновляется в речи представителей того или иного этноса.

2) Исследованы принятые в науке о языке типологизации прецедентных феноменов.

В своём исследовании мы разделили прецедентные феномены на следующие группы:

1. прецедентные имена;
2. прецедентные ситуации и высказывания;
3. прецедентные тексты.

3) Сопоставлены понятия прецедентности и интертекстуальности.

Изучив литературу по данной проблеме, мы пришли к выводу, что прецедентность представляет собой набор текстов, которые знакомы той или

иной лингвокультурной общности, тогда как интертекстуальность может рассматриваться как способы введения прецедентных феноменов в речь.

4) Исследованы и классифицированы прецедентные имена в творчестве М. Цветаевой.

В творчестве М. Цветаевой нами было найдено 196 прецедентных имён. Самым многочисленным классом оказались антропонимы, коих мы насчитали 156. Они составляют 80% от всего числа прецедентных имён. Среди них выделяются следующие группы: персонажи античных мифов (40 имён), персонажи библейских мифов (41 имя), исторические лица (37 имён), литературные персонажи (39 имён, из которых 27 относятся к зарубежной литературе и 12 – к русской).

Достаточно часто используются в качестве прецедентных имён Цветаевой и топонимы (32 имени), что свидетельствует о значимости для автора моделируемого в художественном мире пространства. Их доля равна 16% от общего числа прецедентных имён. Среди них мы выделили следующие группы: вымышленные места (17 имён), реально существующие или существовавшие места, также нами было найдено одно утопическое место (т.е. топоним, который представляет собой теоретический конструкт, изначально не претендующий на то, чтобы считаться актуально существующим).

Минимально представлены в творчестве Цветаевой хрононимы 3% (5 имён) и зоонимы 1% (2 имени).

5) Исследованы и классифицированы прецедентные высказывания и ситуации.

Прецедентные ситуации были объединены нами в ситуативные комплексы, которые представляли собой наборы ситуаций, связанных с определённой личностью или событием (например: комплекс Иисуса Христа, включающий в себя разные ситуации, такие, например, как его распятие, его

рождения и проч.). В результате мы разбили все ситуативные комплексы на следующие группы: мифологические (античные и библейские), исторические и литературные. Как показали результаты исследования, среди прецедентных ситуаций преобладали мифологические, особенно библейские, ситуативные комплексы, что свидетельствует о высокой степени прецедентности мифологем, особенно библейских, в русской культуре.

6) Исследованы и классифицированы прецедентные тексты в творчестве М. Цветаевой.

Всего в творчестве М. Цветаевой в качестве прецедентных используется 71 текст. Преобладают среди них литературные тексты (55), 32 из которых являются текстами зарубежных авторов, 23 – русских. В качестве прецедентных текстов в творчестве Цветаевой также 8 раз выступают произведения скульптуры и архитектуры, 4 раза – картины, 3 раза – музыкальные произведения, 1 раз – фотография. Следует отметить, что прецедентным текстом далеко не всегда становится конкретное произведения того или иного автора. Подчас статус прецедентного феномена приобретает вообще творчество того или иного автора или даже определённый литературный жанр (комедия *del arte*).

7) Исследованы особенности функционирования цитат в творчестве М. Цветаевой.

Всего в ходе работы нами было обнаружено 27 цитат. Источниками этих цитат являются Библия и связанные с ней тексты (6 случаев), крылатые фразы исторических деятелей (1 случай), произведения литературы (20 случаев). Цитаты вводятся в тексты либо напрямую, часто в качестве эпиграфов, а также в виде перифразов, нередко творчески переосмысляющих содержание исходной цитаты.

8) Исследованы особенности функционирования аллюзий в творчестве М. Цветаевой.

Аллюзии являются наиболее распространённым способом интертекстуализации прецедентных феноменов. Прецедентные феномены при этом могут быть употреблены как в своём прямом значении, так и в переносном.

9) Предоставлена методическая разработка на основе исследования.

На основе исследования был разработан элективный курс «Прецедентные феномены в художественной литературе», который может быть использован в 11 классе общеобразовательной школы с целью углубления знаний учащихся о системе русского языка.

Выполнение задачи исследования позволяет считать цель исследования достигнутой.

Исследование не решает все теоретические и практические проблемы, связанные с исследованием прецедентных феноменов в художественных текстах М. Цветаевой, однако его результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях, посвящённых этой теме.

Список использованных источников и литературы

Художественные тексты:

1. Цветаева, М. И. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Эллис Лак, 1995.

Исследовательская литература:

2. Азарова В. Прецедентное имя в научном освещении // Лінгвістичні студії. - 2010. - Вип. 21. - С. 8-12.
3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л.: Наука, 1973. – 320 с.
4. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. –М.: Флинта, 2009. – 384 с.
5. Ахмедова С.Н. Феномен прецедентности в современных лингвистических исследованиях // Филология и литературоведение. – 2015. – № 2 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2015/02/1186>.
6. Белоконева А.О. Антропонимы в постмодернистском тексте: структурные и функциональные типы (на материале произведений В. О. Пелевина) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – №360. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antroponimy-v-postmodernistskom-tekstestrukturnye-i-funktsionalnye-tipy-na-materiale-proizvedeniy-v-o-pelevina>.
4. Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004 – 2007 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. –

Нижний Тагил, 2008. – 230 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://politlinguist.ru/materials/thesis/Boyarskikh.pdf>.

5. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учебное пособие. – Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2012. – 371 с.

6. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. – М., 1990. – 246 с.

7. Войтехович Р.Ч. Марина Цветаева и античность. - М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. - 464 с.

8. Ворожцова О.А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года: дисс. на соиск. степени канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2007. - 207 с.

9. Ворожцова О.А., Зайцева А.Б. Прецедентные имена в российской и американской печати // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – Вып. 2. – С.222-229.

10. Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о Федоре Кузьмиче на рубеже XXXXI веков: проблема демифологизации сюжета // Вестник ТГУ. – Томск, 2008. – № 307 (Февраль). – С. 7-10.

11. Горбачева О.Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филол. наук. – Брянск, 2008 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/onomasticheskoe-prostranstvo-russkih-narodnyh-iavtorskih-skazok>.

12. Григорьева Л.Н. Феномен прецедентности в тексте и его роль в переводе // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. IV: Текст и текстовые единицы: сб. науч. ст. под ред. д-ра филол. наук Е. А. Гончаровой, д-ра филол. наук С. Т. Нефёдова, канд. филол. наук К. Р.

Новожиловой. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nauka.x-pdf.ru/17filologiya/295164-1-nemeckaya-filologiya-sankt-peterburgskom-gosudarstvennom-universitete-tekst-tekstovie-edinici-otv-redaktori-prof-gon.php>.

13. Гришаева, Л. И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. – Воронеж: ВГУ, 1998. – 148 с.

14. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.

15. Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 11. – М., 2000 – 140 с.

16. Гудков Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации: сб. статей. – М., 1997. – С.82-93.

17. Долозова О.Н. О семантике прецедентного имени [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=97225.

18. Дубельт Леонтий Васильевич. Национальная энциклопедическая служба [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://interpretive.ru/dictionary/1308/word/dubelt-leontii-vasilevich>.

19. Евтюгина А.А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого : (к проблеме идиостиля) : автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Екатеринбург, 1995. – 17с.

20. Ермакова Л. Р. Глоттоническая номинация в этнокультурном аспекте // Филологические науки - 9. Этно-, социо- и психолингвистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2Gll/Philologia/9_94631.doc.htm.

21. Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 212 с.

22. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Брилева И.С. (ред.). Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. – М., 2004. – 315 с.

23. Земская, Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М., 1996. – С. 157-168.

24. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 280 с.

25. Иноземцева Н.В. Прецедентность и интертекстуальность как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике) // Известия Самарского научного центра РАН. - 2010. – Т. 12. – № 3. – С. 167–169.

26. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

27. Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М., 1966. – 376 с.

28. Косиков Г.К. Текст / Интертекст / Интертекстология // Пъеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. – М., 2008. – С. 8-42.

29. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: «Филология», 1997. Вып. 2. – 124 с.

30. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДК «Гнозис», 2003. – 375 с.

31. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации //

Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – М., 1997. – №3. – С.62-85.

32.Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М.: «Гнозис», 2002. — 284 с.

33.Крюкова И.В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Волгоград, 1993. – 23 с.

34.Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. - 268 с.

35.Кузьмина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп. Электронный научный журнал Ф-та журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1. – 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mediascope.ru/node/755>.

36.Кулаженко А.В. Прецедентные феномены с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии // *Lingua mobilis*. – 2011. – №1 (27). – С.70-73.

37.Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Искусство, 1992. – 277 с.

38.Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. – М.: Флинта, 2011. – 268 с.

39.Нахимова Е.А. О формальных показателях прецедентности антропонима // Политическая лингвистика. – 2006. – №17. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-formalnyh-pokazatelyahpretsedentnosti-antroponima>.

40.Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – 207 с.

41.Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография. – Екатеринбург, 2011. – 313 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://vk.com/doc13011557_446862930?hash=ea920f31729bf41ed7&dl=3d48a31f3380d34a9e.

42.Петрова Н.В. Эволюция понятия прецедентный текст // Вестник ИГЛУ. – 2010. – №2 (10). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-pretsedentnyy-tekst>.

43.Плеве. Биография 1000 людей [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://enc-dic.com/1000biography/Pleve-685.html>.

44.Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 196 с.

45.Прохоров Ю Е. Действительность. Текст. Дискурс. - 5-е изд., стереотип. - М.: Флинта; Наука, 2016 - 224 с.

46.Пучинина О.П. Интертекстуальность в прозе Марины Цветаевой: на материале корпуса прецедентных имён // Приволжский научный вестник. - 2017 - № 2(66). - С. 48-53.

47.Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. – М., 2008. – 186 с.

48.Репринцева Н.И. Прецедентные антропонимы и их семантика (на примере английской народной сказки) // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-antroponimy-i-ih-semantika-naprimere-angliyskoy-narodnoy-skazki-1>.

49.Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвостилистика. – М., 1988. – Вып. 9. – С. 126–141.

50.Сабов А. Курильские камни преткновения. Пятьдесят лет переговоров: острова, персоны, политика Российская Газета, 2006. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rg.ru/printable/2006/11/23/kurily.html>.

51.Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2004. – 128 с.

52.Смирнова Ю.А. Аллюзивные имена собственные в контексте постмодернистского произведения. // Этнокультурный и социолингвистический аспекты теории и практики преподавания языков. - Минск: БНТУ, 2015. – С. 485-488. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.tris.ru/articles/details/0/6257>.

53.Солодуб, Ю.П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. - 2000.- № 2. - С. 51-57.

54.Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: ЛКИ, 2007. – 368 с.

55.Супрун А.Е. Текстовые реминесценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17-30.

56.Токарева И.О. Культурно-языковая компетенция личности в ряду смежных способностей // Язык и культура. – 2010. – № 4. – С. 72–76.

57.Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. – М.: Наука, 2006. – 312 с.

58.Чайкисова А.В. Англоязычные идеонимы как прецедентные единицы // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – Екатеринбург, 2017. – №2. – С.83-88.

59.Чистова С.С. Сопоставительное исследование прецедентных феноменов в российской и американской рекламе бытовой техники и транспортных средств. – Екатеринбург, 2009. – 166 с.

- 60.Шенкнехт Т.В. Прогностический характер прецедентных топонимов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, ВГГУ, 2010. – № 2-2. – С. 23-27.
- 61.Ямпольский М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. – М.: РИК "Культура", 1993. – 464 с.
- 62.Barthes R. Le plaisir du texte. – P.: Seuil, 1973. – 230 p.
- 63.Jacobmeyer Hannah. Graham Swift, Ever After : a Study in Intertextuality. – Available at: http://webdoc.sub.gwdg.de/edoc/ia/eese/artic98/jacobm/88_98.html.
- 64.Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. Avril. – 1967. – № 239. – P. 438-465.
- 65.Kristeva J. Le texte du roman. – LaHaye, 1970. 130 p.
- 66.Kristeva J. Semeiotikë. Recherche pour une semanalyse. –P. : Seuil, 1969. – 234 p.
- 67.Kristeva J. Une poetique ruinee // Bachtine M. La poetique de Dostoïevski. – P., 1970. – P. 3-26.
- 68.Sollers Ph. Ecriture et revolution // Théorie d'ensemble. - P., 1968. P. 16-44.

Приложение 1

Фотография: Адольф Гитлер в окне Градачанского замка

 alamy stock photo

CPM8N6
www.alamy.com

Элективный курс по русскому языку «Прецедентные феномены в художественной литературе»

Пояснительная записка

Настоящая программа рассчитана на 30 часов в 11 классе (1 час в неделю), реализуется в рамках учебной дисциплины «русский язык». Элективный курс опирается на межпредметные связи: литература, русский язык, история.

Основными принципами построения программы элективного курса являются:

- систематичность и непрерывность;
- интеллектуальное развитие учащихся (в программе учитывается последовательность мыслительных операций: анализ художественных текстов, продуцирование собственных текстов);
- развитие творческих способностей школьников.

Методологической основой программы является системнодеятельностный подход.

Целью курса является формирование культурологической, литературоведческой, языковой и коммуникативной компетенций при изучении прецедентных феноменов в художественных текстах.

Задачи изучения курса:

- 1) ознакомить учащихся с феноменом прецедентности;
- 2) углубить и расширить знания о системе русского языка;
- 3) углубить и расширить знания об отечественной литературе;
- 4) сформировать навыки работы с художественным текстом;
- 5) обогатить словарный запас учащихся;

б) развить навыки построения устных и письменных высказываний, а также навыки ведения дискуссии.

Данный курс имеет прикладное и общеобразовательное значение, способствует развитию навыков работы с текстом и развитию речи учащихся, а также их аналитической и познавательной деятельности.

Формы организации занятий – лекция, семинар, практикум. Используются фронтальная, индивидуальная и групповая формы деятельности учащихся.

Формы контроля и оценки планируемых результатов осуществляется с помощью промежуточных тестовых и контрольных работ, рефлексий учащихся, а также индивидуальных работ, выполняемых в течение курса.

Содержание курса соответствует познавательным возможностям учащихся одиннадцатых классов и гармонично развивает их речевые навыки.

Материал курса отобран на основании возраста учащихся, отбор текстов, используемых на занятиях, осуществлён с учётом интересов старшеклассников.

Курс «Прецедентные феномены в художественной литературе» обеспечивает развитие личности на разных уровнях:

личностном – это находит отражение в интерпретационной и оценочной деятельности читателя, в формировании гражданской позиции, в формировании личности, обладающей чувством собственного достоинства;

метапредметном – что выражается в поиске и обработке разной информации (анализ, синтез), в умении продуктивно общаться и взаимодействовать в процессе совместной деятельности;

предметном – что отражается в умении анализировать текст на предмет наличия в нём прецедентных феноменов; умении использовать полученные знания в процессе интерпретации художественных текстов, а также выражать отношение к ним в развёрнутых аргументированных высказываниях; в получении углублённых знаний о системе русского языка.

Планируемые образовательные результаты:

- 1) применять знания о категории прецедентности на практике;
- 2) демонстрировать умение использовать прецедентные феномены в своей письменной и устной речи;
- 3) демонстрировать навыки работы с художественными текстами, а также с словарями русского языка и энциклопедиями;
- 4) оценивать роль прецедентных феноменов в разных типах текстов.

Содержание курса

Теоретическое содержание:

- Понятие прецедентности: виды прецедентных феноменов, функции, процесс формирования прецедентности, этапы изучения.
- Русский язык: уровни системы языка, имя собственное, имя нарицательное, текст, стили речи, цитата.
- Самостоятельная работа с книгой: методы работы с учебными текстами и дополнительной литературой (подготовка пересказов-ответов разного вида, сообщений, докладов, таблиц, графиков, схем).

Практическое содержание:

- Чтение: развитие индивидуального стиля выразительного чтения; чтение художественных текстов; работа с терминологическими словарями.
- Слушание: рефлексивное и нерефлексивное слушание; приемы рефлексивного слушания; анализ выступлений, докладов товарищей.
- Устная речь: построение развернутого ответа на основе нескольких источников, использование научных терминов; выступление в классе, выступление с итоговой работой на конференции.
- Письменная речь: написание текстов в жанре сочинения-рассуждения.

Календарно-тематическое планирование элективного курса (30 часов)

	Тема	Кол-во часов
1	Прецедентность как языковое явление	2
2	Понятие прецедентного текста	1
3	Прецедентные тексты в творчестве М. Цветаевой	2
4	Прецедентные тексты в творчестве В. Маяковского	1
5	Прецедентные тексты в творчестве М. Булгакова	1
6	Прецедентные тексты в творчестве А. Чехова	2
7	Прецедентные тексты в творчестве В. Сорокина	1
8	Понятие прецедентного имени	2
9	Прецедентное имя в творчестве М. Цветаевой	2
10	Прецедентное имя в творчестве В. Маяковского	1
11	Прецедентное имя в творчестве В. Сорокина	1
12	Понятие прецедентной ситуации	2
13	Прецедентная ситуация в творчестве М. Цветаевой	1
14	Прецедентная ситуация в творчестве В. Маяковского	1
15	Прецедентные ситуации в творчестве В. Сорокина	2
16	Понятие прецедентного высказывания	2
17	Прецедентные высказывания в творчестве М. Цветаевой	1
18	Прецедентное высказывание в творчестве В. Маяковского	2
19	Прецедентное высказывание в творчестве В. Сорокина	1
20	Итоговое занятие	2

**Конспект урока на тему: «Прецедентное имя в творчестве
М. Цветаевой»**

Цель: познакомить с отдельной группой прецедентных имён – прецедентными антропонимами.

Задачи урока:

1. Обучающая:

- формирование навыков обработки информации: анализ, синтез;
- формирование умения учащихся работать с текстами;
- формирование системы знаний о функциях прецедентных имён и антропонимов в частности;
- формирование системы знаний о прецедентных именах в культуре.

2. Развивающая:

- развитие критического мышления ученика;
- развитие навыков устной и письменной речи;
- развитие у ученика коммуникативных навыков;
- развитие умения планировать и оценивать свою деятельность.

3. Воспитывающая:

- воспитание уверенности в своих силах;
- воспитание умения уважать чужое мнение.

Методы: репродуктивный, эвристический.

Приемы: работа в группах, беседа.

Виды деятельности учащихся: целеполагание, постановка и ответы на проблемные вопросы, исследовательская деятельность: поиск и интерпретация языковых единиц.

Оборудование: доска.

План:

- 1) организационный момент;
- 2) актуализация знаний;
- 3) целеполагание;
- 4) первичное закрепление знаний;
- 5) применение полученных знаний;
- 6) домашнее задание;
- 7) итоги урока (рефлексия).

Ход урока:

- 1) Организационный момент.

Учитель: Здравствуйте, ребята! Сегодня мы поговорим о том, как функционируют прецедентные имена в классической литературе. И сделаем мы этом на примере стихотворений М. Цветаевой.

- 2) Актуализация знаний (4 минуты).

Учитель: Но давайте сперва убедимся, что мы способны различить имена собственные и нарицательные. Сыграем в игру: по цепочке называем некоторое имя так, что следующий ученик должен сперва сказать, какое имя назвали – собственное или нарицательное, а после назвать уже своё имя, которое начинается на букву, стоящую на конце имени, названного предыдущим учеником.

Давайте вспомним, какие имена мы считаем прецедентными?

Ответ: Прецедентное имя – имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и/или закреплённым комплексом качеств, которое регулярно употребляется членами разных групп. Прецедентное имя тесно связано с прецедентным текстом.

Назовите признаки имён собственных и нарицательных.

Ответы учеников должны быть примерно следующими:

Имя собственное	Имя нарицательное
Называет конкретный предмет или явление. «Наполеон»	Класс предметов или явлений. «книга»
Пишется с заглавной буквы. Фридрих Ницше	С прописной буквы. девушка
Иногда используются кавычки. «Служить бы рад – прислуживаться тошно»	Не используются
При переводе имен собственных на другие языки используются методы транскрипции и транслитерации: проспект Сизова – Sizov Avenue.	

Что мы относим к антропонимам?

Ответ: личные имена, вторые и последующие имена, отчества, фамилии, прозвища, клички.

Учитель: Теперь прошу Вас разделить следующие имена по группам (собственные и нарицательные).

Одиссей, Нева, река, облако, сон, монстр, Дмитрий Аленичев, шоколад, квас, обои, Жириновский, Красная площадь, Фридрих Ницше, Гомер, дождь, Перун.

Учитель: Молоды!

3) Целеполагание (3 минуты).

Учитель: Давайте зафиксируем цель нашего сегодняшнего занятия, чтобы сконцентрировать на них своё внимание.

Учитель фиксирует ответы на доске.

Цель: выяснить, какие функции выполняют прецедентные имена в стихотворениях М. Цветаевой.

Задачи:

1. Распределить найденные прецедентные имена по группам;
2. Выявить функцию прецедентного имени в стихотворении;
3. Определить значение, которым наделяется это имя;
4. Интерпретировать аналитические данные.

4) Первичное закрепление знаний (4 минуты).

Учитель: Прошу вас внимательно прочитать текст стихотворения, который лежит перед вами:

Марина Цветаева

Елена глядит над кровлями... (1923)

*Так -- только Елена глядит над кровлями
Троянскими! В столбняке зрачков
Четыре провинции обескровлено
И обезнадежено сто веков.*

*Так -- только Елена над брачной бойней,
В сознании: наготой моей
Четыре Аравии обеззноено
И обезжемчужено пять морей.*

*Так только Елена -- не жди заломленных
Рук! -- диву дается на этот рой
Престолонаследников обездомленных
И родоначальников, мчащих в бой.*

*Так только Елена -- не жди взывания
Уст! -- диву дается на этот ров
Престолонаследниками заваленный:
На обессыновленность ста родов.*

*Но нет, не Елена! Не та двубрачная
Грабительница, моровой сквозняк.
Какая сокровищница растрачена
Тобою, что в очи нам смотришь -- так,*

*Как даже Елене за красным ужином
В глаза не дерзалось своим рабам:
Богам. -- "Чужеземкою безмуженный
Край! Все еще гусеницей -- к ногам!"*

Задания к тексту: теперь прочтём стихотворение выразительно вслух. Кто хотел бы попробовать? Спасибо! Найдите теперь в этом тексте прецедентные имена. Сколько имён вы нашли? Почему они являются прецедентными? Сколько раз употреблено каждое из них?

Ответы учеников.

Учитель: Отлично! Теперь давайте распределим все найденные имена по группам: антропонимы, топонимы и проч. После того, как завершите работу,

проверьте друг друга и найдите ошибки в таблице вашего соседа по парте, если они есть.

Ученики выполняют задание

5) Применение полученных знаний (26 минут). Теперь давайте вместе определим, какими значениями наделяется каждое из прецедентных имён в каждом случае употребления. Определим также природу этих имён – являются ли они метафорами, эпитетами или ещё чем-то.

Основная часть урока представляет собой оживлённую дискуссию, на которой учащиеся делятся своим мнением и демонстрируют своё умение не только находить в тексте прецедентные имена, но и правильно интерпретировать их значение и функции.

6) Домашнее задание (3 минуты).

Дома найдите любое нравящееся вам стихотворение М. Цветаевой и разберите его аналогичным образом: найдите в нём прецедентные имена, разбейте их на группы, определите значение и функции каждого прецедентного имени.

7) Итоги урока (рефлексия) (5 минут).

Учитель: Давайте теперь поразмышляем о прецедентных именах в нашей собственной речи. Предлагаю вам постараться вспомнить, употребляли ли вы сами недавно прецедентные имена, слышали ли их в речи других людей по телевизору или на улице.

Ученики делятся своими наблюдениями.